СМЕНА

1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина.
Входные ворота 13-го шлюза.
Фото Я. Халипа.

Выходной день в Ново-Цимлянском парке.

Сергей СЕВЕРЦЕВ

НАШ ПОДАРОК

Там, где полдень полон пчёл звенящих,
Где шумит питомник вдоль реки,
Девушка укладывает в ящик
Самых лучших яблонь черенки.

Каждый сорт —
Чудесный, закалённый,
Зной и стужу вытерпеть готов...
Это молодому Волго-Дону
Лучший дар мичуринских садов!

Напоённый влагою и светом,
Край неузнаваемый цветёт...
Там
За экскаваторщиком следом
В степь свою выходит садовод.

Так пускай среди приволжской шири,
На слиянье двух могучих рек
С думами
о счастье
и о мире
Яблони сажает человек!

В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках.
Скульптура В. Пинчука и Р. Таурита.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 8. 1953 год.

Год издания 30-й

НАШЕ БОЕВОЕ ОРУЖИЕ

Двадцать второго апреля исполняется 83-я годовщина со дня рождения величайшего мыслителя и пролетарского революционера, вождя, учителя и друга трудящихся всего мира Владимира Ильича Ленина.

Имя Ленина бесконечно дорого советским людям, трудящимся всего земного шара. Всю свою жизнь Ленин посвятил великому делу борьбы за освобождение трудящихся от капиталистического гнёта, за победу коммунизма. Вместе со своим гениальным учеником и верным соратником по революционной борьбе И. В. Сталиным В. И. Ленин в тяжёлых условиях царизма выпестовал железную партию российского рабочего класса, ставшую образцом для коммунистических и рабочих партий всех стран. Под руководством Ленина и Сталина партия русских коммунистов подняла, вдохновила и организовала рабочих и крестьян нашей Родины на штурм царского самодержавия, власти помещиков и капиталистов и впервые в истории добилась победы народных масс над угнетателями. В октябре 1917 года над нашей страной гордо взвилось красное знамя власти труда, знамя освобождённого народа.

Проведённая и подготовленная под водительством Ленина и Сталина Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой, социалистической эпохе в жизни народов нашей страны. Она вместе с тем явилась коренным поворотом во всемирной истории человечества от старого, капиталистического мира, к новому, социалистическому миру. Раскаты Октябрьской революции потрясли до основания всю мировую капиталистическую систему, на деле подтвердили великое марксистско-ленинское учение о неизбежности крушения капитализма и торжества социализма. Победа рабочих и крестьян России над эксплуататорами была встречена народными массами всех стран с радостью и ликованием. Она укрепила в сердцах рабочих и крестьян всего мира надежду на освобождение.

Трудно было подготовить и осуществить свержение власти эксплуататоров. Но ещё труднее было построить новое, социалистическое общество, так как ни один народ в прошлом не имел опыта строительства такого общества. Коммунистическая партия, руководимая Лениным и Сталиным, не устрашилась трудностей. В её руках был мощный прожектор, освещающий ей путь вперёд,— непобедимое, всесильное марксистско-ленинское учение о законах развития общества, о революционном движении, о строительстве социализма и коммунизма. Опираясь на марксистско-ленинскую науку, Коммунистическая партия под руководством Ленина и Сталина смело и уверенно повела наш народ по неизведанным путям исторического движения, по пути построения социализма и коммунизма.

В 1924 году нашу партию и советский народ постигло огромное горе: умер Владимир Ильич Ленин. Внутренние и внешние враги, воспользовавшись смертью Ленина, удесятерили свою борьбу против молодого Советского государства. Они вынашивали чёрные планы восстановления капитализма в СССР. Но все их подлые замыслы были разоблачены и разбиты. Во главе партии и народа встал верный и несгибаемый соратник Ленина, гениальный продолжатель его бессмертного дела великий Сталин. Вокруг И. В. Сталина сплотились ленинское руководящее ядро нашей партии, вся наша партия, все трудящиеся Советской страны. Под руководством Сталина Коммунистическая партия разгромила троцкистско-бухаринских изменников делу социализма и вывела наш народ на широкую дорогу социалистического строительства. Под её мудрым руководством советские люди преобразовали страну, создали могучую тяжёлую индустрию, передовое коллективное сельское хозяйство, осуществили культурную революцию, построили социализм, добились всемирно-исторической победы в переустройстве общества, победы, которая будет жить в веках как величайший подвиг советского народа, нашей Коммунистической партии, как бессмертное дело сталинского гения.

Коммунистическая партия во главе со своим великим вождём, гениальным полководцем и учителем Сталиным привела наш народ к исторической победе над врагами в годы Великой Отечественной войны. Она организовала новый подъём экономической мощи Советского государства и материального благосостояния трудящихся.

Под руководством великого Сталина в октябре 1952 года прошёл XIX съезд Коммунистической партии, наметивший задачи развития Советского государства по пути к коммунизму. В основу своих решений съезд положил гениальный труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», являющийся программой строительства коммунизма.

5 марта этого года умер наш отец, вождь и воспитатель, дорогой и любимый всем народом Иосиф Виссарионович Сталин. Смерть И. В. Сталина глубокой болью отозвалась в сердцах советских людей, членов партии, комсомольцев, юношей и девушек нашей страны. Но жива и сильна стальная Коммунистическая партия, воспитанная и закалённая Лениным и Сталиным в тяжёлых испытаниях, в борьбе за счастье народа. Неугасимым огнём горят в сердцах советских людей, нашей молодёжи светлые идеи Ленина и Сталина. Советская молодёжь вместе со всем народом не жалеет сил в борьбе за претворение этих великих идей в жизнь. В трудное время, когда смерть оборвала жизнь великого Сталина, советский народ и его молодое поколение — многомиллионная армия комсомольцев, юношей и девушек — ещё теснее сплотились вокруг Коммунистической партии, вокруг её ленинско-сталинского Центрального Комитета и Советского правительства, с твёрдой верой в победу коммунизма, с неукротимым стремлением донести до победного конца бессмертное знамя Ленина — Сталина, претворить в жизнь заветы великого Сталина о построении коммунизма.

В своих речах на траурном митинге в день похорон И. В. Сталина товарищи Г. М. Маленков, Л. П. Берия и В. М. Молотов выразили несгибаемую волю Коммунистической партии и советского народа неуклонно идти вперёд по пути к коммунизму, призвали всех советских людей повысить активность в борьбе за наше правое дело, проявлять политическую бдительность, твёрдость и непримиримость в борьбе с внутренними и внешними врагами, множить свои усилия в осуществлении грандиозных задач, стоящих перед советским народом, увеличивать свой вклад в общее дело строительства коммунизма, укрепления могущества и обороноспособности нашей социалистической Родины. В этих речах со всей определённостью сказано, что Советское правительство будет и впредь укреплять нерушимый союз рабочего класса и колхозного крестьянства, братскую дружбу между народами нашей страны, всемерно крепить оборонную мощь социалистического государства, что законом для нашего правительства является обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей, о дальнейшем расцвете нашей социалистической Родины. Советское правительство во всей своей деятельности будет строго проводить выработанную партией политику во внешних и внутренних делах.

Ярким свидетельством неослабной заботы Коммунистической партии и Советского правительства о благе народа является новое значительное снижение государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары.

Трудящиеся Советского Союза видят и знают, что наша могучая Родина идёт к новым успехам. У нас есть всё необходимое для построения полного коммунистического общества.

С твёрдой верой в свои неисчерпаемые силы и возможности советский народ творит великое дело строительства коммунизма. В мире нет таких сил, которые могли бы остановить поступательное движение советского общества к коммунизму!

Всё краше и богаче становится наша социалистическая Родина. На её необъятных просторах повсюду кипит творческий труд советских людей: воздвигаются новые фабрики и заводы, отстраиваются города, создаются гигантские гидроэлектростанции, проводятся каналы, насаждаются огромные полезащитные лесные полосы, преобразуются безбрежные пространства земли на благо советского человека. Советские люди, все народы нашей многонациональной страны, в тесном единстве, в братском содружестве, по предначертаниям своего великого вождя и учителя И. В. Сталина, под руководством Коммунистической партии уверенно строят светлое здание коммунистического общества.

Советский народ неизменно одерживает великие победы потому, что он опирается во всей своей деятельности на марксистско-ленинскую науку о законах развития общества. Основы этой науки были заложены Марксом и Энгельсом. Высшее своё развитие она получила в гениальных трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина. В произведениях Ленина и Сталина научно обобщён громадный опыт общественного развития и революционного движения в условиях новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи крушения капитализма и победоносного развития социализма. Эти произведения являются неисчерпаемой сокровищницей мысли, бессмертных идей, ярким светом озаряющих наше настоящее и будущее.

«Из всех достояний, имеющихся у нашей партии, — указывал товарищ Сталин,— самым важным и ценным достоянием является её идейное достояние, её идейный багаж, её принципиальная линия, её революционные перспективы». Коммунистическая партия и советский народ сильны и непобедимы своей верностью марксизму-ленинизму, великому учению и знамени Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Марксизм-ленинизм является главным боевым оружием в борьбе советского народа за коммунизм.

Вот почему Коммунистическая партия огромное внимание уделяет пропаганде марксистско-ленинской теории, постоянно призывает наши кадры, нашу молодёжь неустанно изучать марксизм-ленинизм, овладевать теорией. Без овладения ленинизмом, без глубокого изучения основных трудов классиков марксизма-ленинизма нельзя стать сознательным строителем коммунистического общества. Особенно настойчиво должна изучать марксизм-ленинизм наша молодёжь, ибо ей предстоит нести вперёд победоносное знамя коммунизма.

Бессмертное дело Ленина — Сталина, немеркнущие ленинско-сталинские идеи вечно будут жить в сердцах советских людей и всего прогрессивного человечества. Идеи Ленина и Сталина будут завоёвывать себе всё новые и новые миллионы приверженцев и борцов во всех частях света. По пути, начертанному Лениным и Сталиным, ныне идут великий народ Китая, трудящиеся стран народной демократии, население которых вместе с Советским Союзом составляет треть человечества. Учение Ленина — Сталина становится учением широчайших масс в капиталистических и колониальных странах. Народы этих стран под руководством своих коммунистических и рабочих партий усиливают борьбу за мир, демократию и социализм. Мы живём в век всемирного триумфа дела Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, в век его неизбежной полной победы во всех странах мира.

А. НАБАТЧИКОВ

Рядовой великой партии

В ответственные минуты жизни мысли каждого человека становятся отчётливей, чувства определённей. В эти минуты человек стремится верно определить своё место в событиях, участником которых он является, выяснить своё отношение ко всему, что происходит в мире. Человек начинает искать самую высшую точку зрения, с которой можно было бы видеть и свою судьбу и судьбу народа.

Лучший сталевар и комсорг мартеновского цеха завода «Азовсталь» Николай Переверзев знал, что такую точку зрения могла ему дать только Коммунистическая партия.

У парторга завода был общий кабинет с комсоргом, и сюда входили то пожилые сталевары, то безусые юнцы-подручные. Первые разговаривали с партийным руководителем, человеком их возраста и опыта; вторые, чтобы не мешать старшим, подсев к Николаю, переходили на шёпот. Но чаще всего здесь спорили, как могут спорить только двадцатилетние юноши, вышедшие на широкую дорогу жизни. Занимаясь своими делами, парторг с улыбкой наблюдал за спорщиками, особенно за черноволосым энергичным Николаем, в котором ему давно понравилась прямота и ясность суждений. Однажды Переверзев разговаривал с молодым сталеваром, упрекал его, что он не помогает своим подручным, не подсказывает им, как лучше работать.

Сталевар смущённо оправдывался:

— Разве мне поспеть...

— Должен поспевать... У наших старших товарищей-коммунистов сколько дел, а они успевают учить нас, подсказывать нам.

— Чудак, разве же можно сравнивать?!.

— Я не сравниваю... Я для того говорю, чтобы ты пример брал. Понимаешь ли, о чём говорю?

— Понимаю...

Дружеская беседа комсомольцев длилась несколько минут. Под конец парторг делал только вид, что занят своими делами, а на самом деле внимательно прислушивался к словам Переверзева. Время от времени на его суровом лице появлялась одобрительная улыбка. Он давно собирался поговорить с комсомольским вожаком о серьёзном деле. Когда сталевар ушёл, парторг спросил:

— Слушай, Николай, ты не задумывался над тем, что тебе пора в партию?

Вопрос был задан неожиданно. Николай вспыхнул. Ответил тихо, заметно волнуясь:

— Думал... Только вот...—Николай вдруг замолчал. На смуглом лице отразилось не то сомнение, не то растерянность.

Парторг насторожился. Не этого он ожидал от боевого комсорга.

— Ну, что замолчал? Говори!

— Думать-то я думал, да рекомендации просить у коммунистов как-то неловко. Ведь их поручительство не на два — три дня, а на всю жизнь. Поверят ли они мне на всю жизнь? А она у меня только начинается...

Серые глаза парторга сразу же потеплели.

— Хорошо, что так думаешь, Николай... Значит, всегда будешь помнить, что твои поручители оказали тебе доверие до конца дней, где бы ты ни был,— рядом ли с ними, далеко ли от них... Становясь членом партии, ты соединяешь свою маленькую жизнь с её великой жизнью, её история становится твоей историей. Понимаешь?

— Понимаю! — тихо ответил Николай.

— Да, Николай, рекомендацию надо просить с крепкой верой в себя. Веришь — иди смело.

— Я в себя верю! — ответил Николай решительно.

— И я в тебя верю! — сказал парторг.

Когда к Николаю приходила большая мысль, она овладевала им целиком. Так было и теперь. После разговора с парторгом Николай с юношеским нетерпением стал думать о том дне, когда коммунисты цеха примут его в свои ряды, когда он возьмёт на себя равные с ними обязанности и права. Одну рекомендацию дал ему парторг, за второй он обратился к механику цеха. Николаю частенько приходилось с ним поругиваться из-за оборудования, поэтому, когда молодой сталевар остановил его около табельной, механик насупился:

— Ну, что у тебя опять?

— По личному вопросу...

— Вот это лучше! — пошутил тот. — А я думал, опять что-нибудь...

Выслушав просьбу Николая, механик посерьёзнел:

— Дам, дам... Тебе дам!

На партийном собрании, когда Николая Переверзева принимали в партию, сталевары шутили:

— Сердце-то, поди, того, замирает, а?

— У него четыре поручителя!

— Как четыре?! Четыре — не по уставу!..

— Нет, серьёзно, кто же четвёртый?

— А его дела: скоростная плавка!..

Николаю несколько раз присваивалось звание лучшего сталевара Сталинской области. Коммунисты цеха знали его и как хорошего комсомольского организатора. Рассказывая о себе, он сообщал им о том, что формировало его как человека:

— Был пионером... пионервожатым... начальником отряда...

А потом ему пришлось рассказать о доверии, которое оказывали и оказывают ему комсомольцы, избирая в свои руководящие органы. Все коммунисты, особенно пожилые, слушали Переверзева внимательно. Многие в эту минуту думали о своих детях: «Вот как они идут по жизни!» Им казалось, что молодой сталевар рассказывает биографию своего поколения, воспитанного и закалённого родной Коммунистической партией. Николай сказал, что, окончив школу мастеров, он готовится поступить в заочный индустриальный техникум. Коммунисты познакомились не только с прошлым Переверзева. В эти минуты они как бы вместе с ним заглянули и в его будущее. Николая приняли единогласно.

Это был счастливый вечер.

Николай шёл домой, минута за минутой переживая всё, что было на партийном собрании, — вопросы товарищей, свои ответы на них. На собрании он волновался. Если бы сталевары-коммунисты не знали его с того дня, когда, окончив восьмой класс, он пришёл в цех, то ответы Николая показались бы сбивчивыми. Николай вспомнил и то время, когда он впервые увидел мартеновскую печь. Это было несколько лет назад.

...Переверзев остановился перед печью. На него пахнуло жаром. Яркое знойное пламя ослепило его и заставило закрыть глаза. А когда он открыл их, то увидел, что печь начала клониться в его сторону, из открытого отверстия хлынула ослепительно белая масса. За его спиной раздался смех. Обернувшись, новичок встретился с хитроватыми, насмешливыми глазами бровастого паренька.

— Что, струсил? — спросил тот.

— Думал, что повалится...

— Нет, это я её наклонил. Наши печи так устроены. Нигде таких нет: качающиеся!..

— Это что, сталь? — спросил Николай.

Сталевар снова засмеялся:

— Нет, это шлак... Когда сталь идёт, печь клонится в другую сторону. Хочешь, покажу? — спросил паренёк и показал.

Тогда же они познакомились. Николай с благодарностью вспомнил первую встречу с подручным сталевара Василием Тодоро-

Николай Переверзев.

вым, с которым они теперь работали на одной печи.

...Вспомнилось, как он познакомился с парторгом. Тот работал крановщиком на разливочном пролёте. Придя в цех по направлению райкома комсомола, Николай включился в активную комсомольскую работу. Ребята готовились к комсомольскому собранию, и нужно было посоветоваться с парторгом. Начальник смены Фёдор Фёдорович привёл его в кабину разливочного крана и ушёл.

Парторг был занят. Николай видел лишь бритый затылок да широкие плечи. Не оборачиваясь, парторг попросил немного подождать. С высоты крана Николай смотрел на разливочный пролёт, где гигантскими свечами горели заполненные сталью изложницы, печи, но уже с той стороны, откуда идёт горячая сталь. К приёмке стали и готовился парторг. Сверху было хорошо видно, как, разбрасывая искры, горячий металл поднял над ковшом огненный столб. Донёсся гремящий звук, слушая который казалось, что внизу пробегает горная речка. Парторг оглянулся и сказал доверительно:

— Люблю этот момент. Кажется, держу ковш в руках и чувствую, как он наполняется и становится всё тяжелей и тяжелей... Вот принимаю сталь и мысленно распределяю, какой ковш куда: один на тракторы, другой на экскаваторы, третий на высотные здания... Весело, а? Ну, теперь рассказывай ты...

Николай до сих пор помнит тот первый разговор с парторгом. А сколько им приходилось беседовать, когда Николая избирали комсоргом цеха!.. После каждой беседы с ним молодой комсорг обогащался новым партийным взглядом на жизнь.

* * *

Ни одна, даже самая крупная победа сталевара не избавляет его от новой борьбы.

Печь, на которой работал Переверзев, считалась комсомольской. На неё смотрели, как на образцовую. Вдруг дела пошли плохо даже у Николая, за которым утвердилась слава одного из лучших сталеваров цеха. Начались разговоры и о Николае:

— Захвалили парня...

Николай и сам знал, что такой разговор должен был возникнуть. Действительно, первая печь могла иметь лучшие показатели, если бы один из сталеваров, Вениамин Кореньков, работал хорошо. Работа сталевара коллективная. Каждую плавку, которая обычно длится более десяти часов, варят непременно два сталевара. Первую половину — один, вторую — другой. Те плавки, которые Николай варил с Василием Шкуропатом, были хорошие. Но когда он принимал плавку от Коренькова, она всегда затягивалась, потому что Вениамин допускал много ошибок. Николай часто с ним ругался.

— Ну, ладно... Подумаешь!.. — отвечал Вениамин, глядя на Николая своими большими голубыми глазами сверху вниз; при этом его круглое румяное лицо не выражало ни огорчения, ни раскаяния.

— Как тебе не стыдно,— горячился Николай,— ты же подводишь нашу комсомольскую организацию! Ты виноват...

— Виноват, виноват... Ну и виноват!..

Веньку нельзя было даже рассердить. Высокий, нескладный, он на всё смотрел добродушно и наивно. Николай был знаком с ним ещё до завода. Они учились в одной школе и пришли на завод «Азовсталь» почти одновременно.

Дружить они в школе не дружили, но когда встретились в цехе, стали относиться друг к другу по-приятельски. На этот раз Николай сказал:

— Слушай, Кореньков, я добьюсь, чтобы на комсомольском бюро заслушали твой отчёт.

Николаю показалось, что на лице Коренькова отразилось беспокойство. Но через минуту он уже глядел попрежнему безмятежно и говорил:

— А что я, комсорг, чтобы отчитываться?

— Ты комсомолец,— сказал Николай сердито.

— Я рядовой,— пробурчал Кореньков,— я в знатные, как некоторые, не лезу...

— Очень плохо,— сказал Николай,— что ты не стремишься стать знатным.

Комсомольцы собирались дружно. Кроме членов бюро, на заседание пришли из заводского комитета комсомола, комсорги групп, подручные Переверзева и Коренькова; заинтересовались отчётом комсомольца парторг и начальник цеха. Сам Кореньков пришёл, когда все были уже в сборе. Серьёзные лица товарищей произвели на него сильное впечатление. Войдя в помещение, он в нерешительности остановился у порога.

— Проходи к столу,— пригласил его Николай.

Вениамин снял фуражку и как-то боком, не глядя на товарищей, прошёл вперёд. Когда ему предоставили слово, он поднялся неохотно.

— Пусть уж лучше он говорит,— и кивнул на Переверзева,— всё равно ведь ругать будете... Пусть он и начнёт.

Все засмеялись. Даже его собственные подручные поглядывали на Коренькова насмешливо. Работай он по-настоящему, им бы тоже не пришлось краснеть за свои плавки. Слава сталевара была бы их славой. Они завидовали подручным Переверзева, которые зарабатывали хорошо. Если в газете пишут о Переверзеве, то обязательно назовут и его подручных — Василия Тодорова, Константина Михальчука, Леонида Казьмириди. А с такими, как Кореньков, куда попадёшь? Разве что в цеховой «Крокодил». С мест зашумели:

— Отчитывайся, Кореньков!

Кореньков продолжал молчать. Ему действительно было бы легче, если бы разговор начал Николай. Пусть бы отругал, пусть бы упрекнул за многие недосмотры, пусть бы пригрозил выговором, было бы легче выслушать всё это из чужих уст, чем судить самого себя, а ребята именно этого и требовали от него. Но ведь трудно посмотреть на свою работу со стороны и определить, что в ней плохо, а что хорошо.

— Ну, ладно,— начал он тихо,— буду говорить... Я не понимаю, почему я должен быть, как Переверзев. Допустим, он работает лучше меня... Ну и пусть! А если я не могу быть таким же?!

Представитель комитета комсомола спросил:

— А какое у вас образование?

— Такое же... Мы с Переверзевым учились в одной школе. Потом я в сорок седьмом году окончил ремесленное училище...

— Тогда почему же вы не можете работать, как Переверзев?

Кореньков покраснел, начал было что-то говорить, но запутался и замолчал. Потом поднял своё раскрасневшееся лицо, посмотрел на всех добродушными глазами, махнул рукой и сказал с детской обидой:

— А что он всё время лезет меня учить?

Начальник цеха, наблюдавший за Кореньковым, спросил:

— Может быть, Переверзев придирался к вам? Может быть, он ругал вас несправедливо?

Но, к удивлению всех, Вениамин, немного подумав, ответил:

— Нет, он ругал меня правильно. Только мы просто не сработались.

Пока Кореньков мялся, Василий Тодоров нетерпеливо хмурил свои чёрные брови, видимо, намереваясь высказаться:

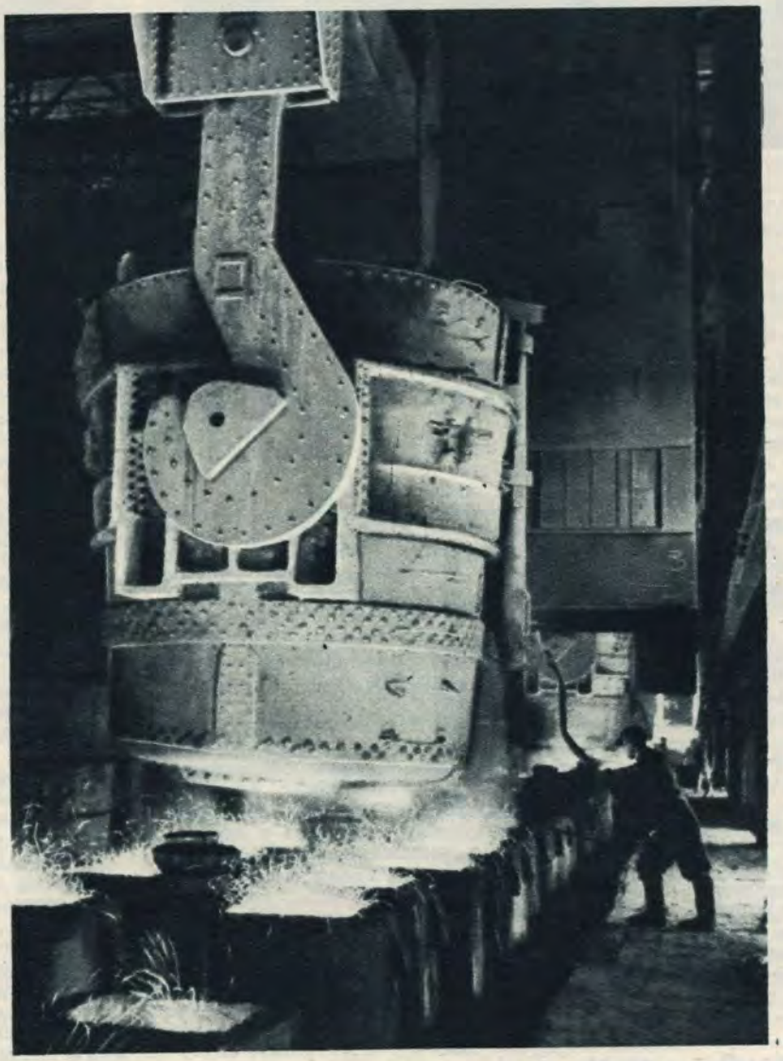
— Я скажу о себе.

— Вот, оказывается, кто любит отчитываться-то! — сказал подручный второй печи и засмеялся.

— А ты не хихикай,— ответил Тодоров,— случай с Кореньковым относится ко всем... Каждый должен посмотреть на себя. Вот я и посмотрел. Когда Переверзев только-только пришёл на завод и начал сколачивать нашу организацию, я уже был подручным, я, можно сказать, первый начал рассказывать ему про печь... А теперь он настоящий сталевар, а я ещё подручный. Думаете, не обидно было? На себя обидно очень, а на него нисколько. Начал работать с ним и понял, что я не доучился ещё. И он меня по-настоящему учит. А ты, Кореньков, как учишь своих подручных? Никак!

Парторг взял слово лишь тогда, когда все комсомольцы высказались. По его суровому лицу было видно, что он хочет сделать серьёзные выводы.

— Слушал я Коренькова,— начал он тихо,— и мне стало обидно за него. «Я не могу быть таким же!» — сказал он. Мы уважаем труд и ценим человека за труд. Что значит — знатный человек? Это такой человек, который своим примером ведёт за собой отстающих, это такой человек, который даёт стране для её великих строек сотни и тысячи тонн сверхплановой стали. Вот в чём ценность знатного человека! И в комсомольском уставе сказано,



Ждановский металлургический завод «Азовсталь». Разлив металла.

что комсомолец должен быть примером для молодёжи в труде и в быту. Устав как раз и нацеливает на то, чтобы все вы были передовыми...

Крепко досталось Коренькову. Николай предложил попросить начальника цеха Лепорского, чтобы на время отстранили Веньку от обязанностей сталевара. И Переверзев не удивился, когда однажды разжалованный сталевар подошёл к нему, неловко пригладил свой пшеничный чубчик и сказал:

— Знаешь, Николай, вот вернусь в сталевары, непременно тебя перегоню. Мы с тобой ещё посоревнуемся...

Не прошло и полгода, как Кореньков сдержал слово.

...Один из героев писателя Константина Федина когда-то жаловался на то, что он всю жизнь старался попасть в круг больших событий и не мог: его всегда отмывало, относило в сторону. Какая-то чудовищная центробежная сила, действовавшая до революции, настойчиво отбрасывала его на задворки жизни...

По-иному складывалась судьба молодого советского человека Переверзева. С тех пор, как он пошёл в школу, его всегда тянуло вперёд, в круг интересов и событий всё бо́льших и бо́льших. Когда думаешь о части целого, всегда думаешь и о целом. Беспокоясь о делах своей мартеновской печи, о делах цеха, Николай беспокоился об успехах всей нашей металлургии. Выдавая десятки тысяч тонн сверхплановой стали, молодой сталевар помнил о той великой задаче, которую поставил перед сталеварами товарищ Сталин,— давать в год шестьдесят миллионов тонн стали, чтобы гарантировать страну от всяких случайностей. Он понимал, что каждая скоростная плавка, выданная им,— это его личный вклад в дело мира. Но плох тот коммунист, который думает только о своих личных успехах. Николай всегда помнил сталинские слова о том, что в работе надо догонять лучших и добиваться общего подъёма.

...В цехе усложнилась технология. Даже опытные сталевары в первое время начали сдавать свои позиции, зато Кореньков работал быстро и хорошо. На его личном счету появились тысячи тонн сверхплановой стали. Однажды он даже перегнал бригаду Переверзева. Тот встретил Вениамина и пошутил:

— Как это ты? Бывало, с простым чугуном еле справлялся, а сейчас чугун трудней, а ты жмёшь...

— Тоже вспомнил! — ответил Кореньков. — Чугун-то был простой, а я ещё проще. Теперь я тебе спуску не дам...

Иногда Коренькову казалось, что стоит ещё немного поднажать, и он закрепит свою победу над Переверзевым. Но тот, в свою очередь, делал новое усилие — и Веня снова оставался чуть-чуть позади. В разгар этого настоящего соревнования, поддержанного другими, Николай, по выражению Вениамина, вышел «из игры». Начальник цеха Владимир Лепорский назначил его мастером блока.

Николай дал согласие не сразу. Как сталевар он был известен на заводах Юга. У него накопился большой сталеварский опыт. А как мастеру ему нужно было всё начинать сначала: осваивать новую работу, завоёвывать авторитет. Лепорский понимал, что тревожило Николая.

— Но ты, Николай Васильевич, вот что учти,— сказал он,— быть хорошим сталеваром тебе легко, а стать хорошим мастером труднее. Под твоим руководством будут работать четыре печи, четыре сталевара... Сделай их скоростниками! Передай свой опыт другим, и тогда твои сталеварские знания не пропадут. Я ведь говорю с тобой, как с коммунистом...

Николай внимательно следил за доводами начальника цеха и с каждым его новым словом убеждался, что он прав, что держаться за старые успехи и бояться новых трудностей не в правилах коммунистов.

— Подписывайте приказ! — ответил он решительно.

Вас. ФЁДОРОВ

Высотное здание у Красных ворот.

Фото Г. Борисова

Николай АСЕЕВ

Подъезжая к Москве

Как заглавные буквы,
в фолианте древнего города
всем иным городам в назидание
поднимаются гордо
высотные здания!
Это
не заокеанские
небоскрёбы,
вместилища
долларовой утробы.
Это
новая Повесть пламенных лет,
повесть честности и правоты,
наш суровый и твёрдый ответ
морю злобы и клеветы!
Высится
величавое здание
нового университета,
действительно храм знания
и света!
Подтверждение нашей героики,
человечьего гордого знания —
коммунизма могучие стройки,
скоростные высотные здания.

Рисунки А. Елагина.

Ольга КРЕТОВА

СОЛНЕЧНЫЙ ДОЖДЬ

ИЗ РАССКАЗОВ, ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС ЖУРНАЛА «СМЕНА»

Ранним июньским утром мы втроём стоим у зелёной полевой балки. Солнце только что взошло и озаряет её восточный склон, пестреющий цветами.

Майя нарвала охапку цветов, перебирает их, нюхает. Когда она два раза подряд назвала клевер кашкой, Борис укоризненно заметил, что, видно, она забыла ботанику.

— Терпеть не могу ботанику! — вздохнув, созналась Майя. — Люблю природу. Люблю эту балку, — продолжает она подозрительно простодушным тоном, — с травой, с цветами...— Она делает маленькую паузу. — Вон с теми сусличьими норами... Как жаль, что её надо преобразовывать!..

Борис вспыхивает. Сейчас он скажет что-то неопровержимо правильное. И Майя с самым кротким видом ждёт отповеди. У неё карие без блеска глаза на матово-белом личике; из-под широкополой шляпы выбиваются слегка вьющиеся каштановые волосы. Борису это безразлично. Когда речь идёт об утверждении истины, наружности противника для него не существует.

Борис и Майя, так же как и я, — будущие географы, они переходят на четвёртый курс университета, я — на пятый. Я знаю их немного по факультетским комсомольским собраниям и по студенческим вечерам. Теперь мы встретились на практике. Со вчерашнего дня мы трое составляем отряд, в котором я, как старшая, начальник.

Я пробовала отказаться быть начальником, ссылаясь на то, что у меня нет организаторских способностей. Но руководитель практики профессор Геннадий Фёдорович только усмехнулся: «Тем более необходимо их приобрести». И стал втолковывать, как мне надо держать себя с членами отряда: «Предоставляйте им больше самостоятельности, самодеятельности, инициативы. Не выхватывайте у них приборы и инструменты. Не измеряйте, не ройте, не считайте за них, а ру-ко-во-ди-те. Помните, что вы теперь отвечаете за работу пусть маленького, но коллектива».

Хитрый старикан! Должно быть, он ещё во время прошлогодней практики заметил, что я стараюсь всё делать сама. Разве я виновата, что у меня такой характер? Мне всегда кажется, что другой ошибётся, напутает. Я уверена только в тех данных, которые добыла своим трудом. И, правду сказать, я люблю, чтобы было видно, что это именно моя, личная работа.

Впрочем, раз теперь моя работа заключается в том, чтобы требовать с других, я постараюсь быть взыскательней, чем Геннадий Фёдорович.

— Холодов, — говорю я нарочито официально, — нельзя ли отложить дискуссию? Определяй водообеспеченность! — И придирчиво слежу, правильно ли он читает карту, видит ли, какие массивы куда имеют уклон и какие из них будут питать водой наш пруд.

— Отлично! — говорю я, невольно подражая интонации Геннадия Фёдоровича. — Теперь заложим шурфы. Приступайте!

Геннадий Фёдорович по секрету дал мне насчёт Майи особый наказ: «Никаких поблажек!» Сам он с большим предубеждением относится к хорошеньким и нарядным студенткам. Ему кажется, что такие девушки ко всему прикасаются лишь кончиками пальцев. Поэтому на экзамене он спрашивает их гораздо строже, чем других, а на практике прямо вздохнуть не даёт.

Майя и Борис начинают копать.

Выполняя указание Геннадия Фёдоровича «упражнять каждого в каждой операции», я периодически меняю Майю и Бориса местами. Даже скрепя сердце позволяю им делать отсчёты по рейкам и вести запись в полевом журнале.

Солнце поднялось уже довольно высоко. Надо бы перекусить, но перерыв делать не хочется, так как впереди самое интересное — работа с нивелиром.

Вдруг рядом раздался голосок:

— Это не вы будете экспедиция?

Я вздрогнула от неожиданности. Майя засмеялась, а Борис солидно произнёс:

— Ну, мы... А вы кто?

На склоне балки стояла девочка лет двенадцати с узелком в руке и с большой вязанкой прошлогодних будыльев подсолнечника за спиной.

— Я Дуняша, — ответила она с готовностью. — Меня Игнат Степаныч послал. Говорит: «Как накормишь трактористов, ступай в Мокрый луг, там экспедиция пруд планует. Отнесёшь им полдник, а заплатят в конторе». Я сейчас...— И, сбросив вязанку, девочка захлопотала вокруг неё.

Председатель колхоза Игнат Степанович, человек лет сорока пяти, произвёл на нас большое впечатление своим богатырским ростом и сложением и, пожалуй, ещё больше — своеобразием речи. В его языке агрономические термины соседствовали с поговорками, народные обороты — с научными выражениями.

Нас он встретил так, что было и лестно и немного неловко: называл молодыми специалистами (хотя мы только будущие специалисты), говорил, что для колхоза важна наша помощь (хотя, в сущности, задача нашей практики была очень скромная: дать первичный материал для изыскателей).

Он велел заложить выездную пару и сам доставил нас на балку, не отказав себе, впрочем, в удовольствии поехать кружным путём, чтобы показать нам поля.

Возле посевов люцерны с житняком Игнат Степанович, почти как заправский экскурсовод, сказал: «Благодаря травам мы проникаем вглубь почвы — удлиняем свои руки». Он натянул вожжи, чтобы осадить коней, а мы, забыв о люцерне, с уважением смотрели на его могучие руки, все в рубцах от боевых ран.

Игнат Степанович обращал наше внимание на чистоту пшеницы, на прямолинейность рядов подсолнуха и свёклы. «По кривому ряду могут пройти только тяпки да бабьи пятки, — говорил он, — а надо, чтобы культиваторы всюду проходили». Он радовался обилию техники в колхозе и сильно тужил о нехватке воды. Постройка пруда, организация поливного севооборота неотступно владели его мыслями.

Появление в балке маленькой поварихи было подтверждением живой заинтересованности председателя в нашей работе.

Лапша разогрелась быстро. Мы с аппетитом едим её принесёнными Дуняшей круглыми деревянными ложками.

— А вы, значит, пруд строите? — спрашивает девочка.

— Ну, не совсем ещё строим... — сконфузился Борис. — Делаем предварительные изыскания.

— Вы его скорей делайте, — с нотками нетерпения продолжает Дуняша. — А то трактористам простыни хоть не стели. Ихний бригадир с Игната Степаныча всё душ требует. Выдумал тоже — душ! Ведь это вышку надо ставить, на неё бак да воду наверх таскать. Сколько это трудодней?

Дуняша вытряхивает в опустевшую миску вареники, пропитанные вишнёвым соком, и мечтательно говорит:

— Когда построите пруд, я на птицеферму попрошусь. Вон в «Красном пахаре» взяли из инкубатора три тысячи утят и гусят. Они такие жёлтенькие...

— А не боишься, что гуси будут тебя за ноги щипать? — говорит Майя и делает страшные глаза.

— Вот ещё! — возражает Дуняша, инстинктивно одёргивая платье. — Они маленькие... Они ко мне привыкнут...

Несколько минут мы заняты варениками, девочка — своими мечтаниями.

— В «Красном пахаре», — прервала она молчание, — у пруда движок поставили и орошение делают. А у нас колодцы одни, — с огорчением добавила Дуняша. — В «Красном пахаре»... — из её детской груди вырывается восхищённый вздох, — лодку привезли, на пруд пустили. И даже один старый-старый старик

плавать выучился. Там уже ветёлочки на берегу растут, осенью нароняют листочков в пруд, так хорошо!..

Не знаю, как Майю и Бориса, а меня эти листочки, плывущие по воде, за сердце взяли. Именно в эту минуту на месте ложбины, где накашивают несколько копён сена, я впервые совершенно отчётливо увидела будущий пруд.

Я представила нашу балку, до краёв налитую водой, и тарахтящий двигатель, и дождевальную установку. Обязательно дождевальную! Такую, как нам показывали на опытной станции. Веерами расходится искристая водяная пыль. Будто выстроились в ряд хрустальные чаши. Солнце окунается в них, и над землёй встаёт радуга. С безоблачного неба начинает накрапывать дождь. А в поле прямо на глазах всё растёт, растёт!

Я решительно поднимаюсь с травы, показывая своим товарищам, что перерыв окончен. Внимание Дуняши привлекают наши инструменты.

— Какие палки весёлые! — говорит она.

Я смотрю на рейки, и мне самой они вдруг кажутся весёлыми: все в белых, красных, чёрных делениях.

— А в трубу можно поглядеть? — спрашивает девочка робко.

И мы специально для неё возимся с нивелиром, чтобы установить его по росту девочки. Майя идёт держать рейку. Я обеими руками беру белую дунину головку и слегка нагибаю её.

— Вот так... Видно тебе?

— Тут ниточки какие-то мешаются, — шепчет Дуняша.

Борис начинает терпеливо объяснять, что в ниточках вся суть: надо смотреть, на какое деление рейки они попадают, и брать отсчёты. Так узнают превышение одной точки местности над другой и расстояние между ними.

— Поняла? — спрашивает он. — Ты на рейку, на рейку смотри. Ну, что видишь?

— Краска на ней облупилась, — сообщает Дуняша, — номера перевернулись обратно, а то были вверх ногами.

— Ладно, — говорит Борис. — На первый раз хватит с тебя.

Девочка не отходит.

— Может, вам помогать надо? Я попрошусь у Игната Степаныча... Дадите хоть линейку держать...

— Ого! — отзывается Майя. — Это не так просто, как ты думаешь. Здесь нужно адское терпение. Надо держать совершенно вертикально и стоять неподвижно, как столб.

— Я буду вертикально, — обещает Дуняша, — я буду неподвижно. Пусть хоть оводы кусают!

— Нельзя! — говорит неумолимо Борис. — Сначала окончи десятилетку. Потом поступай к нам на географический, вот тогда разрешат.

Мне становится жаль девочку. Хочется сказать ей что-нибудь ласковое. Но Дуняша не из тех, кто унывает. Через несколько минут она уже опять весела, хозяйственно собирает посуду, завязывает в платок махотки, миску, ложки.

— Воды вам принести? — вдруг спрашивает она. — Трактористам возят.

Вода у нас есть в походных флягах, поэтому мы, поблагодарив, отказываемся. Медленно, то и дело оборачиваясь, Дуняша начинает подниматься по склону. Я провожаю её взглядом и стараюсь понять, почему последние слова девочки как-то по-хорошему взволновали меня.

Да, уже второй раз, говоря о нас, она тут же упомянула трактористов. Невольно вырастаешь в собственных глазах, когда тебя ставят рядом с такими нужными колхозу людьми.

До вечера мы определяем уклон дна балки. Снова периодически меняемся местами, так, чтобы каждому представлялась возможность упражнять и внимание и терпение. Сначала мне стоило большого труда не выхватывать у Майи и Бориса приборы и инструменты, не проверять каждую названную ими цифру. Но я отлично понимаю, что иначе они потеряли бы вкус к работе. Я сдерживаюсь.

Вечером в правлении Игнат Степанович дружески приветствует нас:

— А, преобразователи! Как дела?

— Водосборная площадь пять квадратных километров, — авторитетно заявляет Майя, и все в комнате поворачивают головы и смотрят на неё с уважением. Даже счетовод перестаёт щёлкать костяшками.

А я готова рассердиться: чего она выскакивает? Разве здесь нет начальника отряда?!

— Пруд получит сто пятьдесят тысяч кубометров воды, — поясняю я.

— Вот спасибо, товарищи! — говорит Игнат Степанович, будто это наша заслуга. — Значит, поливать будем больше пятидесяти гектаров.

Колхозники, собравшиеся в правлении, засыпают нас вопросами. Многие интересуются различными способами полива, спрашивают, какой из них лучше. Я, конечно, высказываюсь за дождевание: оно ближе всего к естественному, природному процессу. Один колхозник замечает, что дождевальную установку приходится перетаскивать, при этом поливальщики наступают на растения, кроме того в местах соединения труб вода подтекает и делает промоины.

— А правда ли, — обращается он ко мне, — что изобретена специальная пушка для орошения: её заряжают водой, стреляют, и дождь идёт над целым полем?

Застигнутая врасплох, я высказываю предположение, что пока это научная фантастика. Но Борис, не щадя моего самолюбия, заявляет, что да, он читал, такие опыты производятся. А женщины деловито расспрашивают, какие культуры выгоднее всего сеять на орошаемом участке и сколько, например, можно получить с гектара махорки.

— У нас уже тут глаза и зубы на пруд разгорелись, — вставляет словцо Игнат Степанович, — хотим, чтобы сразу и рыба, и птица, и ветвистая пшеница, и сладкий бурачок, и крепкий табачок!

По комнате прокатывается смех.

— А держать воду он будет? — вдруг тревожится кто-то. — Не уйдёт, как в «Рассвете»?

Мы отвечаем, что, судя по образцам, вынутым из ямы, глинистый слой недалеко, воду держать будет.

— Ну, орудуйте, орудуйте, молодые специалисты! — напутствует нас председатель, чрезвычайно довольный.

Ночевать мы решили на свежем воздухе. Нам с Майей постелили в плетнёвой сторожке. Осенью хозяйка ссыпала в неё яблоки. И мне кажется, что и сейчас здесь пахнет антоновкой.

А верный себе Борис тут же в саду разбил палатку: он хочет чувствовать себя в походе.

После ужина я не пошла сразу спать, а подсела в хозяйкиной избе к лампе. Мне не терпелось узнать объём пруда. Вычисления пришлось делать на бумаге, так как я забыла попросить в конторе счёты. Скоро я пожалела об этом: должно быть, я где-то напутала, и результат получился явно ошибочный.

Проверяю снова и снова. Что за наваждение? Стиснув голову руками, я сижу, как мне кажется, целую вечность. Наконец, спохватившись, что хозяйка не похвалит за выжженный керосин, гашу лампу и, стараясь не звякнуть щеколдой, выхожу через сени в сад.

Борис и Майя сидят за столиком, вкопанным под яблоней. Испещрённые лунными бли-

ками, они выглядят странными, непохожими на себя.

Чтобы избегнуть вопросов, я ссылаюсь на головную боль и проскальзываю в приоткрытую дверь сторожки. Почти следом за мной входит и Майя. Заслышав её шаги, я поспешно отворачиваюсь к стене, словно Майя может видеть моё лицо в темноте.

Утром я проснулась действительно с головной болью.

По дороге к месту работы Майя несколько раз участливо осведомлялась:

— Что с тобой, Тоня? Тебе нездоровится?

Я отмалчивалась.

Вот и балка, озарённая солнцем, расцвеченная клевером и ромашкой. Но Майя не рвёт цветов. Поддавшись моему настроению, она тоже хмурится.

— Значит, сегодня будем отбирать участок для орошения? — полувопросительно произносит Борис.

— Нет, сегодня будем исправлять то, что напортили вчера, — говорю я ледяным тоном.— Всю съёмку надо делать сначала.

Майя смотрит на Бориса, Борис на Майю. Молча, взглядом, они просят друг у друга поддержки. Я вижу их растерянность, но даже не пытаюсь ободрить их. Напротив, с каким-то мелким, очевидно, не делающим мне чести чувством думаю: «Ага, я намучилась, теперь помучайтесь вы...»

— Вчера кто-то из нас отнёсся к работе безответственно, — продолжаю я. — Материал никуда не годится.

— Не может быть! — протестует Борис. — Мы делали всё правильно. Я ручаюсь...

— Ну, а если допустить, что данные съёмки правильны, если верить им...

Сейчас я скажу членам отряда, что получается в таком случае. Балка может вместить не больше третьей части стекающей в неё воды. Это значит, что для орошения к ней можно «привязать», как говорят изыскатели, всего лишь пятнадцать — семнадцать гектаров. Но кто же из-за такого маленького участка будет возводить плотину, строить насосную станцию?..

Сейчас, сейчас они всё узнают...

В эту тягостную минуту у обочины дороги останавливается наша экспедиционная полуторка. Геннадий Фёдорович выходит из кабины в своём парусиновом костюме, в мягкой панаме.

— Здравствуйте, преобразователи! — восклицает профессор, будто сговорившись с председателем колхоза. Но вчера это слово звучало в наших ушах, как музыка, а сегодня...

Геннадию Фёдоровичу не нужно много времени, чтобы понять наше состояние.

— Э, да тут, я вижу, «плач на борозде», то есть на балке,— говорит он, пожимая наши руки. — В чём дело, друзья?

Пока мы собираемся с духом, чтобы ответить, он берёт у меня полевой журнал и мои вчерашние выкладки. Надев старомодное пенсне, руководитель практики то разглядывает цифры, то переводит взгляд на бумагу.

— Профессор, — прерывает молчание Майя, глубоко вздохнув, как перед прыжком в воду, — не засчитывайте нам эту работу. И ничего не объясняйте. Дайте нам ещё день. Мы всё-всё переделаем и сами найдём ошибку.

— Ошибку? — переспрашивает Геннадий Фёдорович. — Это ваше личное мнение или вывод начальника отряда? — Он оборачивается ко мне: — Что вы скажете, Устинова?

— Балка не годится, — говорю я очень тихо. — Пруда не будет.

Жестокие слова произнесены. Я чувствую, как рушатся мечты Игната Степановича, и Дуняши, и женщин-колхозниц... Всё во мне холодеет.

Майя отходит немного в сторону, садится на траву и вдруг принимается плакать, плакать взахлёб.

— Виноградова, сюда стекает достаточно воды. Добавлять нет необходимости, а тем более солёной...

Это сказано тем неумолимым тоном, каким Геннадий Фёдорович пресекает попытки проваливших зачёт студенток разжалобить его.

Стараясь овладеть собой, Майя сдерживает слёзы, но всхлипывания прорываются, громкие, детские. Мы с Борисом следим за Геннадием Фёдоровичем, снова листающим журнал.

— Так, так, — рассуждает он сам с собой,— отлично.

И робкий огонёк надежды загорается в наших сердцах.

— Что ж, — обращается профессор к нам после небольшого раздумья, — подытожим... Прошу и вас, Виноградова...

Заплаканная Майя присоединяется к нашей группе.

— Если бы вы, товарищи, представили такую работу в конце практики, я был бы весьма неудовлетворён, — начинает Геннадий Фёдорович ворчливо. — Да, да, через месяц вы будете обязаны с первого взгляда, не тратя времени на съёмку, браковать подобный объект. Разве это балка? — Он протягивает руку вперёд.— Совсем плоская. Не чаша, а корыто...

Обескураженные, мы молчим.

— Но это ваш первый самостоятельный шаг, — продолжает профессор, — и я не ставлю вам в вину, что вы не поверили собственным глазам. Или вы не заметили очевидного, — добавляет он вскользь. — Зато съёмка сделана мастерски. Вы убедительно доказали, что строить здесь пруд для орошения нецелесообразно. Практика ваша начинается толково. Я ставлю вам пятёрку.

Что это: издевается он над нами, что ли?

Я вижу: Борис, красный, как пион, хочет что-то сказать, но губы дрожат, и он не может выговорить ни слова. У Майи в широко раскрытых глазах недоумение и боль.

— Пруда не будет, а вы нам пятёрку ставите, — выдавливает Борис с трудом.

Майя, коснувшись руки профессора, умоляюще говорит:

— Но... мы не можем оставить колхоз без пруда... Им очень, очень нужен пруд!

— Ах, вот оно что! — насмешливо восклицает профессор и весь преображается. Умным, понимающим, отеческим взглядом он обводит наши взволнованные лица.

— Почему же вы, однако, решили, что на этой плоскодонке свет клином сошёлся? Дайте сюда планшет.

Добродушно посмеиваясь, он напоминает нам, что колхоз ведь укрупнённый. А на массиве в шесть тысяч гектаров таких «даров природы», как балки, хоть отбавляй. Он внимательно рассматривает карту:

— Что вы скажете, например, насчёт этой? Не проехать ли нам её посмотреть? — И, угадывая нашу радость, командует: — А ну, живо! Тащите всё в машину.

Я собираю рейки. Майя берёт рюкзак за одну лямку и вскидывает на плечо. Борис, уже нагруженный ящиком нивелира и треножником, спешит за нею.

День безоблачный, ясный — и вдруг начинается дождь. Смеясь, болтая, мы спешим к машине. Майя и Борис уже спорят, почему такой дождь называют «слепым».

— Напрасно так говорят, — делает заключение Майя, — «слепой» — печальное слово, а этот дождик весёлый. Давайте лучше звать его «солнечный дождь»!

Дождь заткал воздух стеклянной паутиной. А мне грезится, будто встали над полем веера водяной пыли, струится, колышется над ними зыбкое радужное марево...

— А как же Дуняша? — обеспокоенно говорю я, вспомнив маленькую хлопотунью. — Она придёт, а никого нет.

— Заедем в тракторную бригаду, предупредим, — обещает Геннадий Фёдорович и прибавляет шаг.

В. БАХНОВ и Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Грустное явление

Ещё бытует, к сожаленью,
Такое грустное явленье.

Он был студентом с огоньком,
Все знали Игоря прекрасно,
И потому единогласно
Он как-то избран был в профком.

В профкоме он работал страстно,
Имел большой авторитет,
И потому единогласно
Был также избран в комитет.

Работал он и там, как нужно,
Для дела не жалея сил,
И потому единодушно
Ещё куда-то избран был.

И как он ни сопротивлялся,
Как ни просил, как ни молил,
Он повсеместно избирался,

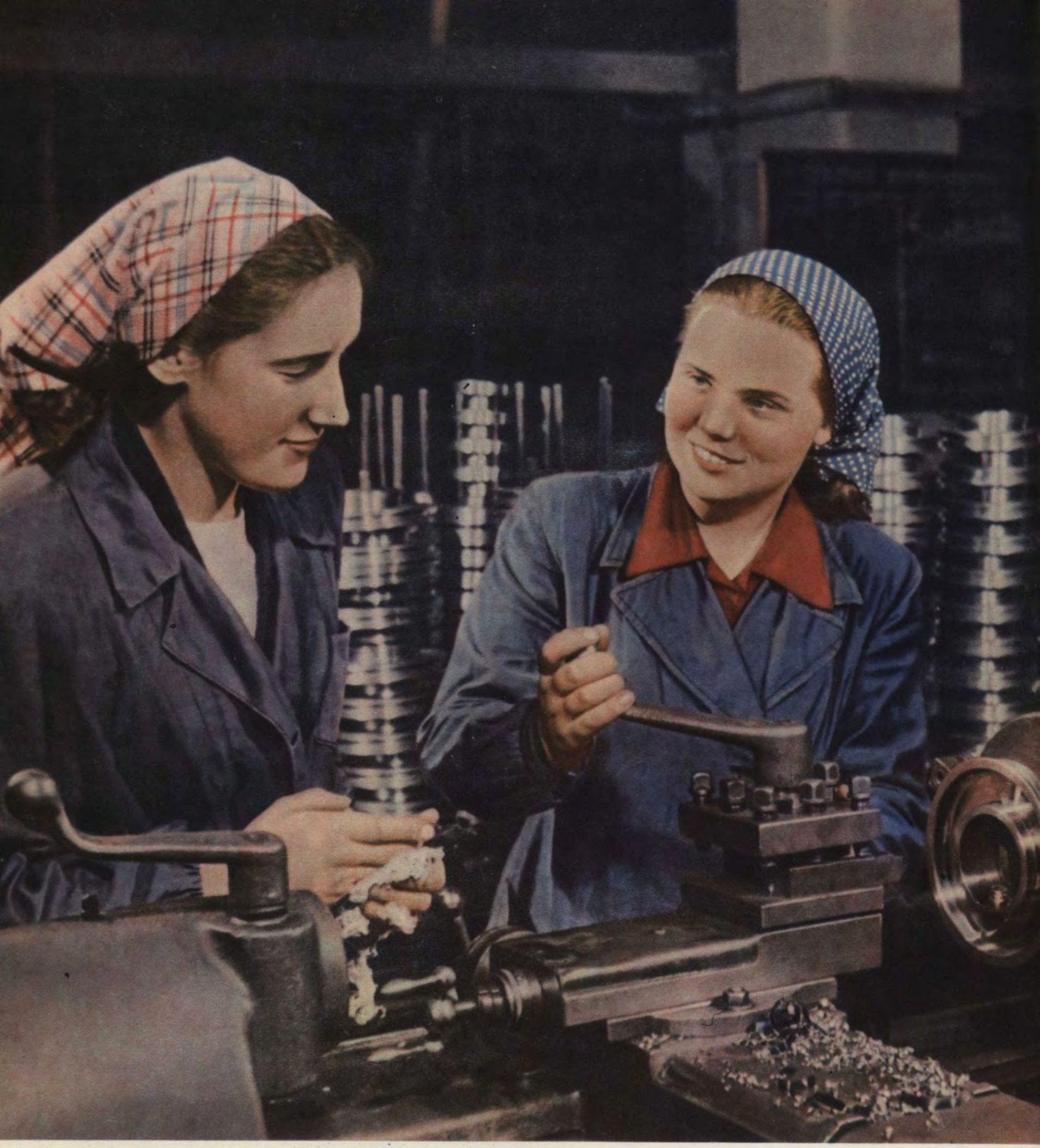
Во все комиссии входил.
Поэтому зимой и летом
Сидел он ночи до рассвета,
Ответственный от комитета
За курсовые стенгазеты,
А днём метался он везде,
Ответственный от клубсовета
За вечера и за билеты,
За культпоходы и т. д.

Он бросил бриться, скажем честно,
Нет для бритья и трёх минут,
Хотя за бритого, известно,
Небритых двух всегда дают.
Уже давно забросив книги,
Забыв учёбу неспроста,
Комсорг, профорг, бедняга Игорь
Совсем запутался в «хвостах».

Ещё бытует, к сожаленью,
Такое грустное явленье.

Ульяновск. На Новом Венце.

Акварель Б. Берендгофа



Токари-скоростники Анастасия Малютина и Нина Юшина, инициаторы соревнования за сокращение производственного цикла на московском станкостроительном заводе «Красный пролетарий».

Фото В. Руйковича

Игорь КОБЗЕВ

В общежитии

(Отрывок из поэмы о молодых строителях Северо-Крымского канала)

Все они романтики, поэты.
И в душе у каждого мечта:
Где-нибудь поближе к краю света
Воздвигать в пустынях города.
Чтобы всё как надо, по порядку:
И снега и хмурые леса,
Чтобы ветер мокрые палатки
Ночью раздувал, как паруса.
Чтобы было сыро там и скользко,
Чтоб недоедать, недосыпать.
Чтобы у героев Комсомольска
Хоть частичку славы перенять!
Всё не так.
И не такие годы.
Ни к чему коптилочная тьма.
Им с домостроительных заводов
Шлёт народ добротные дома.
Прочный дуб. Сухая штукатурка.
В ящиках зеркальное стекло,—
Чтобы жили чисто и культурно,
Чтобы было ярко и светло.
В общежитиях — не что попало.
К ним щедра богатая страна:
Шторы, шерстяные одеяла,
Простыни льняного полотна.
И уборщицы таким их поят чаем,
Что от пара мокнут потолки,
Только пусть по дому не скучают.
Пусть о них скучают земляки!
Каждый в общежитии, как дома.
Сколько здесь волнующих бесед!
Здесь давнишним кажется знакомым
Каждый разговорчивый сосед.
Спорят о работниках конторы,
Говорят про лес, и про металл,
И о том, как в крымские просторы,
Оросив поля, пройдёт канал.
Вдалеке слышны гудки ночные.
Дождь косой с размаху в окна бьёт.
Сила необузданной стихии
Громом сотрясает небосвод.
Дребезжат и вспыхивают стёкла.
А ребятам долго не уснуть:
О своём канале говорили,
А теперь решают, как в Сибири
Северные реки повернуть!..

Вл. ШУСТИКОВ

ВЛАДЛЕН МЯЧЕВ

Мячевы — потомственные уральские рабочие.

Детство Владлена совпало с годами первых пятилеток. Мальчишки бегали смотреть, как закладывается обогатительная фабрика или жилые здания, гонялись друг за другом по глубоким канавам, вырытым на пустыре, донимали расспросами геодезистов, которые могли рассказать много интересного. А через год на том месте, где ребята играли в пятнашки, уже поднялся целый многоэтажный квартал.

Шли годы... Вместе с его людьми рос город Кушва. Вот высадили первую аллею, заложили Парк горняков, и теперь Владлен вместе со своим закадычным дружком Сашей Силкиным целыми днями пропадает в этом парке с книгой в руках, заворожённый подвигами Павки Корчагина, Чапаева или Метелицы.

А потом Владлен пришёл на металлургический завод. Перед старым мастером стоял парнишка со светлыми, выгоревшими бровями, круглым, открытым лицом. Но в пристальном и внимательном взгляде уже проступила твёрдость, безусловно, необходимая потомственному уральскому рабочему.

— Кем же ты хочешь стать, парень? — спросил старый мастер.

— Экскаваторщиком.

— Сначала придётся поработать слесарем.

— Слесарем? — разочарованно спросил Владлен.

— А что? Слесарь может до чего угодно дойти! Можешь стать машинистом, трактористом, шофёром, можешь даже маршалом стать, как Климент Ефремович Ворошилов. Перспективная профессия...

Мастер рассказал, с чего начинать дело, и вот Владлен — ученик слесаря. Он выпиливает простенькие детали, делает прокладки и гайки, а сам своим острым взглядом присматривается к перфораторам, ударно-канатным станкам, стоящим на уступах, к компрессорам и всё выспрашивает у старого мастера, что к чему. Мастер ворчит, но он очень рад, что «рабочий класс подрастает дотошный и любознательный». А через несколько месяцев Владлен работает помощником экскаваторщика на Гороблагодатском руднике, на том же самом, где когда-то работал рудокопом дед Владлена.

— Ну, как дела, работничек? — спросит, бывало, отец.

И как хорошо на душе, когда он со сдержанностью старого горняка похвалит тебя, вступившего в славную семью советского рабочего класса! Но вот первая неприятность: по твоей вине порвался на экскаваторе трос. И тебя, как комсомольца, обсуждают на собрании, с тобой беседует старый мастер-коммунист, а отец, сидя за столом, не смотрит в твою сторону. Трудно, невыносимо трудно тебе, но ты никому не расскажешь о своих переживаниях, кроме, пожалуй, одного-единственного человека. Ты придёшь вечером в Парк горняков, в дальнюю аллею, где вы обычно встречаетесь.

— Что-нибудь случилось? — спросит девушка и пристально-пристально посмотрит тебе в глаза.— Ты такой хмурый сегодня, Владя!

У девушки строгие, большие, красивые глаза, тугие, мелко и тщательно заплетённые косы, и зовут её необычно — Калерией, и вообще она человек необыкновенный. И ты чувствуешь, что тебе становится легче в присутствии этой строгой девушки.

Пройдёт год, другой, и в том же Парке горняков ты скажешь строгой девушке особенные слова, а через несколько месяцев вы поженитесь.

А ранней весной 1951 года Калерия Мячева проводит своего мужа на Волгу, туда, где начинается большая стройка.

• • •

Владлен Мячев распахнул дверь, обвёл комнату взглядом — главного инженера не было.

— Входи, входи, Масловский скоро будет,— услышал он знакомый голос.

Владлен Мячев со своим помощником Петром Беловым. Фото А. Брянова.

Слева у двери, около железной печурки, сидел Ваня Яшкунов и сушил рукавицы. Был он в фуфайке, замасленных чёрных брюках, выпущенных поверх серых растоптанных валенок.

Владлен и Яшкунов были друзьями. Они оба горячо увлекались комсомольской работой, оба работали на экскаваторах «Уралец» и даже жили в одном доме по улице Лермонтова.

Владлен медленно прошёл к столу, снял рукавицы и с сердцем бросил их на табуретку:

— Чёрт его знает, что получается, Иван! Лесу опять не подвезли.

Несмотря на то, что положение было не из весёлых, Яшкунов всё-таки улыбнулся:

— Наконец-то и тебя прорвало! А то Коваленко требует, Лямин требует, Яшкунов ни дня, ни ночи не знает, только ты один отмалчиваешься.

— Дай лесу взаймы!

— Здесь столько неполадок,— продолжал Иван,— голова кругом идёт! Взрывников не хватает, забои смерзаются, бульдозер,— Яшкунов значительно поднял палец вверх,— и тот приходится вырывать у Сретенского с боем. А прораб...

— Не кипятись, Ваня!

— Тебе хорошо рассуждать, у тебя характер спокойный, ничем из терпенья не выведешь, а здесь... Не кажется тебе, Владлен, что мы слишком либеральны, мягки? Есть люди, которые тормозят строительство, все их видят, все их знают, а решительных мер не принимают, и мы с тобой не ставим этого вопроса. Ты вот просишь у меня лесу. Разве это выход из положения? Выручу, предположим, тебя, но такими заплатками дело не поправишь. Не дам лесу!

— Настил у меня кончается, положение серьёзное, и если ты не выручишь...

— Обижайся, сердись, но не забудь помянуть и своего прораба, который, между прочим, непосредственно отвечает за подвозку леса. Почему мы часто простаиваем? Какая фамилия у этой неорганизованности, какое имя — отчество? Главный инженер района Оглоблин на бездельников и негодных людей смотрит сквозь пальцы. Так давай с тобой подскажем, пусть принимают меры!

В это время в комнату вошёл Масловский — главный инженер второго строительного участка. Он был в белом полушубке, в валенках, испачканных глиной и доломитовой мукой. Лицо уставшее, глаза припухли: главный инженер не спал двое суток.

— У меня к вам очень серьёзные претензии,— сказал Мячев, Яшкунов одобрительно кивнул головой. — На «четвёрке» нет леса. Экскаватор вот-вот остановится. Прошу наказать прораба Нефтуллаева и дать лесу!

— Лес завезём через час. Слушай, Мячев, ты же видишь, у меня полный котлован механизмов. Ты можешь войти в моё положение?

— Нет, не могу! Я не уйду, пока не дадите леса! — резко сказал Мячев и в подтверждение своих слов сел на табуретку, положив на стол руки, сжатые в кулаки.

Главный инженер помолчал немного, прикидывая, где же можно всё-таки взять лес, и подумал о том, что и в самом деле нужно будет порезче поставить вопрос о Нефтуллаеве.

— Лес сейчас будет,— сказал инженер наконец. — Возможно, что именно вашей бригаде поручим одно очень серьёзное задание...

Яшкунов и Мячев попрощались и вышли.

Вечерело. Справа, у самого подножия горы, виднелись громадные конструкции монтирующихся портальных кранов. Они были ещё нескладны и неуклюжи, эти величественные машины, которым предстоит возвести бетонное тело самой могучей в мире — Куйбышевской гидростанции. Глубоко внизу, за громадными конусами земли, заметёнными грязным снегом, виднелись экскаваторы. От них сплошной лентой шли гружёные самосвалы. Земля в кузовах была влажная и как бы дымилась на морозе.

Владлен Мячев вместе со своими помощниками чистил ковш. Был морозный ветреный день. Земля так смёрзлась и так крепко держалась на ковше, что лом отскакивал от неё, как от металла. Пришлось под ковшом разложить костёр: к вечеру «четвёрка» должна была зайти в новый забой. Весь этот день Владлен провёл на экскаваторе. Он хлопотал, чтобы завезли запасной трос, чтобы были спланированы дороги, занаряжены машины. Наконец всё было готово, и Владлен осторожно повёл машину к большому горбу изжелта-зеленоватой слежавшейся глины. Экскаватору нужно было врезаться в этот массив, пройти его насквозь и выйти на другую сторону. Положение усложнялось тем, что в этом районе котлована был особенно сильный приток грунтовых вод.

Машина шла по плотному бревенчатому настилу, но Владлен заметил, что корпус машины слегка наклонился влево. «Не успел зайти в забой, а уже увязаю,— с тревогой подумал Мячев.— Что будет дальше?» Владлен всё же осторожно выровнял экскаватор и подошёл к забою.

Дело шло хорошо.

За ночь машина продвинулась вперёд метров на восемнадцать, врезалась в забой, как говорят экскаваторщики. Грунт стал твёрже, и Владлен решил идти без настила.

Прораба Нефтуллаева нельзя было узнать,— видимо, инженер хорошо с ним поговорил. Он то бросался на отвал, где почему-то задерживались автомашины, то начинал спорить с инженером по эксплуатации, то принимался отчитывать рабочего, который неровно разбрасывал по кузову доломитовую муку. Чёрные его глаза горели, и даже голос стал другим. Вот он ловко забрался по лестнице на экскаватор, прошёл к кабине и открыл дверь. Лицо Нефтуллаева было до неузнаваемости испачкано машинным маслом.

Он закричал:

— Вот так всегда, Мячев, критикуешь человека, поднимаешь шум, требуешь лес — теперь целые штабеля лежат,— он указал рукой на брёвна,— а ты идёшь без настила! Совесть твоя где?

— Когда же это вы сумели завезти столько леса? — удивился Владлен.

— О, ты не знаешь Нефтуллаева! — Прораб улыбнулся. — Из-под земли достану!

В середине смены передняя стенка забоя вдруг отвалилась, и там, где раньше вода только сочилась, ударила плотная, широкая струя.

— Вызывай водоотлив,— коротко сказал Мячев помощнику Виктору Трибунских. Сам же быстрыми и точными движениями стал ковш за ковшом забрасывать глиной то место, откуда била вода. Но глина сползала, а вода всё прибывала и прибывала.

— Такими нашлёпками ничего не сделаешь,— услышал он спокойный и ровный голос сзади.

Мячев обернулся. В кабине экскаватора стоял комсомолец Николай Шляпников.

— «Андижанец» здесь не возьмёт. Придётся ставить насосы посильнее,— сказал Шляпников и метнулся с экскаватора.

Мячев сдал машину назад и стал укладывать в размокший грунт двойной бревенчатый настил.

А через полчаса в забое было установлено два мощных насоса, и уровень воды немного понизился. На экскаватор пришёл Масловский.

— Что же будем делать, Мячев, получается, как в былине: вперёд пойдёшь — завязнешь, назад пойдёшь — не выполнишь задания...

Владлен молчал. Положение было критическое.

— А как у вас на Волго-Доне, рисковали? — спросил Мячев и почему-то слегка улыбнулся.

— Конечно, рисковали.

— Ну, что ж! Пойдём прямо, Геннадий Фёдорович, только Шляпникову придётся быть на экскаваторе всё время, пока не пройдём этот массив. И лесу нужно ещё. Всё-таки страшновато.

— Ну, двигай, двигай,— сказал главный инженер. — Лес тебе даю. Но расходуй поэкономнее. Прикрепляю к твоей «четвёрке» самого лучшего бульдозериста — Мишарина. Не подведи,— Масловский подошёл к Мячеву, и они пожали друг другу руки.

Оно было крепким, это рукопожатие двух молодых коммунистов.

...К концу третьих суток бригада успешно завершила работу на рисберме. Теперь здесь суетились небольшие, полукубовые экскаваторы, бульдозеры, подготавливая карты под бетон. А через несколько дней прораб Лепихин уложит на этом месте громадную подушку из песка, щебня и каменного окола, потом строители примутся устанавливать большие деревянные щиты, которые будут держать бетон до тех пор, пока он не затвердеет и не обретёт прочность.

«Вот что значит поспорить с главным инженером,— думал Владлен Мячев, сдавая смену Леониду Колчину.— Наши споры — делу подспорье...»

Он лёгким, но твёрдым шагом взбежал по бровке откоса, откуда был виден весь котлован, вся панорама огромного строительства.

НА ВАХТЕ — ДИНАМОВЦЫ

В зале собраний московского завода «Динамо» имени С. М. Кирова висят две картины. Они рассказывают о великой, неразрывной связи гениальных вождей революции Ленина и Сталина с народом.

7 ноября 1921 года. В цехе, убранном хвоей и кумачом, собрались многие сотни людей. На импровизированной трибуне Владимир Ильич Ленин.

7 ноября 1924 года. В том же цехе, с той же трибуны в серой солдатской шинели перед динамовцами выступает Иосиф Виссарионович Сталин. Устремившись вперёд, затаив дыхание, люди слушают любимого вождя.

Товарищ Сталин оставил в Красной книге завода историческую запись:

«Желаю рабочим «Динамо», как и рабочим всей России того, чтобы промышленность наша пошла в гору, чтобы число пролетариев в России поднялось в ближайший период до 20—30 миллионов, чтобы коллективное хозяйство в деревне расцвело и подчинило своему влиянию частное хозяйство, чтобы высокая индустрия и коллективное хозяйство в деревне спаяли окончательно пролетариев фабрик и тружеников земли в одну социалистическую армию...»

В скорбные мартовские дни, когда наш народ переживал тяжёлую утрату, динамовцы, как и все советские труженики, поклялись удвоить и утроить свои усилия. Ныне они успешно выполняют свои обязательства.

Молодёжная смена станочников, руководимая мастером комсомольцем Валентином Захаровым, несёт трудовую вахту. Никогда ещё смена не работала с таким напряжением сил, с таким высоким сознанием долга перед Родиной, как сейчас. Недавно четверо рабочих этой смены — Фёдор Смирнов, Вячеслав Ганин, Николай Тюрин и Евдокия Смирнова — выполнили 22 нормы за смену.

Николай Тюрин пришёл на завод из ремесленного училища в 1949 году. Он быстро освоил порученную работу. И скоро о нём стали говорить как о стахановце, мастере своего дела. В начале этого года Тюрин внедрил в производство несколько рационализаторских предложений, его выработка поднялась со 180 до 270 процентов. В дни трудовой вахты Николай Тюрин изготовил оригинальное приспособление, которое позволило фрезеровать одновременно несколько деталей. Теперь выработка Тюрина выросла до четырёх с половиной норм в смену.

В. КОНАХОВ

На снимке: Николай Тюрин.
Фото В. Зунина.

СТИХИ НИКОЛАЯ РЫЛЕНКОВА

Рисунки В. Орлова.

Радуга над полем

Каждый день всё ждёшь и ждёшь
чего-то,
Вдруг, глядишь — встаёт среди полей
Радуга в полнеба, как ворота
В край просторный, в край весны моей.

Там теперь, теплы и золотисты,
Облака проходят над Днепром,
Там навстречу лету трактористы
За собой уводят первый гром.

Будет впору вёдро, впору грозы,
Будут травы и хлеба до плеч,
А у белой-белой той берёзы
Луг в ромашках, вышитый для встреч.

Чтоб узнал желанный, долгожданный,
Чьей красой красуется земля,
Рано-рано на заре туманной
Девушки выходят на поля.

Вот они запели звонко-звонко...
Вместе с ними уж не первый год
Ходит по полю моя девчонка,
Мила друга на закате ждёт.

Виден ей с любого поворота
Путь, что встречу скорую сулит.
...Радуга в полнеба, как ворота
В светлый край весны моей стоит.

* * *

Шумит зелёный ветер мая,
Вчерашний след зарос травой.
Девчата, рук не разнимая,
Идут дорожкой полевой.

Тепла дорожка полевая,
Видна, куда ни поверни.
И о разлуке запевая,
О встречах думают они.

Их, как мечты о счастье, манят,
Так далеки и так близки,
Чуть уловимые в тумане
Блуждающие огоньки.

То за рекой, за речкой быстрой,
Там, где черёмухе цвести,
В полночном поле трактористы
Спешат зарю с зарёй свести.

* * *

Сторона моя родная,
Песня в поле, эхо ли?
Из-за синего Дуная
Гости к нам приехали.

Совершили путь не близкий,
Позабыть нельзя его,
Той венгерской да румынской
Юности хозяева.

За село машины мчатся,
За холмы окрестные,
Где сходились мы, на счастье
Каждый стебель пестуя.

Где гостям о нашей доле,
Что не держим в тайне мы,
Лучше нас расскажет поле,
Тракторы с комбайнами!

За Дунаем будут сниться,
Ясный день предсказывая,
Наше жито и пшеница,
Льны голубоглазые.

Наши розовые гречи,
Луговины росные,
Наши речи, наши встречи
Ранние и поздние.

Путь открыт, а дружба в
сердце —
Верная попутчица.
Жить соседи по-соседски,
По-советски учатся.

Чтоб и на берег Дуная
Гости к ним приехали!..
Сторона моя родная,
Песня в поле, эхо ли?

* * *

Что ты ходишь попусту
Через речку по мосту?
Ты пришёл бы по полю
К молодому тополю.

Помнишь, тополь голубой
Посадили мы с тобой,
Посадили, где любили
Свет-зарю встречать весной.

Ты сказал: пусть солнце светит,
Пусть луна над ним встаёт,
Пусть всё выше тополь этот,
Как любовь наша, растёт.

Что ж ты, милый, хмуришь бровь,
Не находишь нежных слов?
Высоко поднялся тополь,
Перерос твою любовь!

Не ходи ж ты попусту
Через речку по мосту,
А сходи ты по полю
К молодому тополю.

После дождя

Кусты в серебряных серёжках
Стоят, глядят по сторонам,
Где русый дождь на тонких ножках
Перебежал дорогу нам.

И дождь свернул за речку круто,
В луга, и там исчез из глаз...
И грянул птичий хор, как будто
Он поджидал лишь только нас!

* * *

Чем бы наша модница
В поле не работница?
Да боится, что от солнца
Цвет лица испортится.

Косы могут вылинять,
Брови могут выгореть,
Что ещё случиться может,
Даже и не выговорить!

Встанет утром — мается,
К полдню в тень скрывается,
А домой вернётся с поля —
Гордая красавица.

Выйдет в сарафанчике,
Пальчики в карманчики,
Чтоб подруги удивлялись,
Чтоб влюблялись мальчики.

Тонко улыбается,
Чуть земли касается,
Неизвестно, как кому,
А себе уж нравится.

Рдеют щёки маковые,
Блещут туфли лаковые,
Почему ж проходят мимо
Девушки, помалкивая?

Мальчики колючие
Подмигнут при случае:
Мол, красе такой от солнца
Гибель неминучая.

Косы могут вылинять,
Брови могут выгореть,
Что ещё случиться может,
Даже и не выговорить!

Гордая красавица
Смотрит, удивляется:
Неужель краса такая
Никому не нравится?

Живописны и привлекательны берега реки Оки. Сюда каждое лето приезжают учащиеся художественной школы. Здесь они делают множество зарисовок, пишут картины, запечатляя на бумаге и полотне богатые виды русской природы.

Более 35 лет воспитывает молодых художников преподаватель Антонида Петровна Сергеева. Сегодня у неё на занятиях первоклассники. Она заботливо учит их делать рисунки с натуры и писать акварелью. Преподаватель помогает ученикам выявлять форму светотенью на бумаге.

Вл. ТОЛСТОЙ

ПУТЬ К ТВОРЧЕСТВУ

В Москве, в одном из переулков Замоскворечья, находится сокровищница русского искусства, Государственная Третьяковская галерея.

Как раз напротив неё стоит светлое школьное здание. Это средняя художественная школа.

Об этой школе мечтают ребята в разных концах нашей страны. С восторгом рассказывают о ней и побывавшие здесь гости из Китая и Англии, Индии и Бразилии... За рубежом знают о ней не только по рассказам. В 1952 году Золотую медаль — первый приз на всемирном конкурсе детского рисунка в Индии — завоевала О. Восконьянц. Она учится в этой школе. Призом были отмечены работы и другой ученицы этой школы, М. Гришиной.

Академия художеств СССР и Государственная Третьяковская галерея — хорошие шефы школы. Её ученики — «свои люди» в залах Третьяковки. Научные сотрудники галереи проводят с ними занятия.

Многие из выпускников школы стали известными художниками, лауреатами Сталинской премии, участниками всесоюзных выставок. Среди молодых преподавателей есть также воспитанники этой школы. Прежние питомцы нередко встречаются с её нынешними учениками, рассказывают им о своей работе.

Ежегодно в Лаврушинский переулок съезжается множество ребят, мечтающих стать художниками. Попадают в школу лишь самые одарённые. Поступающие должны не только иметь законченное начальное образование, но и выдержать серьёзный экзамен по специальности: сделать акварель и рисунок с натуры, выполнить композицию на вольную тему. Через семь лет юноши и девушки выходят отсюда с аттестатом зрелости, вполне подготовленные к поступлению как в художественные, так и в другие вузы.

Летом ученики выезжают на практику: младшие классы — в пионерский лагерь в Поленове, на Оке, а старшие группами, во главе с преподавателями, отправляются в дальние экскурсии по стране.

Дружно живут и трудятся ученики художественной школы. Они понимают, что на их долю выпало счастье жить и творить в великую эпоху построения коммунизма.

Фото Г. Борисова

В руках Андрея Красулина кусок зеленоватой глины быстро оживает. Ловкие пальцы придают глине нужную форму: появляется голова, торс, ноги. Вся фигура принимает определённый поворот, лицо — выражение... Андрей упорно трудится над скульптурой тракториста. Это одна из последних работ ученика 7-го класса. Весной комсомолец Красулин заканчивает школу. Он мечтает стать скульптором.

Художественн
сто посещают
цы, скульпторы
передают учени
летний опыт,
успехами школ
в школе побыва
ковского госуд
ститута имени
профессор Ф. А

колу· ча-
живописи-
ики. Они
ой много-
ресуются
Недавно
тор Мос-
ного ин-
Сурикова
ов.

Стены больших и светлых коридоров школы увешаны лучшими картинами и рисунками учащихся, классы и кабинеты уставлены скульптурами. Школьников интересуют самые разнообразные темы: и работа кружка юных кораблестроителей, и весенние развлечения ребятишек, и напряжённый труд кузнеца, и мотивы, навеянные художественными произведениями. Учащиеся вдумываются, вживаются в каждую тему и любовно разрабатывают её.

На этом развороте (сверху и справа) изображены некоторые произведения учащихся художественной школы.

ЯЗЫК ВЕЛИКОГО НАРОДА

ПИСЬМА ИЗ-ЗА РУБЕЖА

Китай. В магазине русской книги.

Мы, группа китайских рабочих, членов Общества китайско-советской дружбы, решили приступить к изучению русского языка, чтобы ещё больше укрепить культурные связи между нашими странами, чтобы перенимать ваш передовой опыт, чтобы строить нашу родину и, следуя вашему примеру, быстрыми темпами идти к нашей общей заветной цели — коммунизму. На нашем заводе многие товарищи начали энергично заниматься в кружках по изучению русского языка. Они решили как можно быстрее научиться правильно читать и говорить по-русски.

По поручению товарищей
Сюй Цзу-сюнь.
г. Лючжоу (Китай).

Каждый день в 10 часов 30 минут вечера в городе Кантоне, на самом юге Китая, я сажусь под маленькой пальмой, стоящей на окне моего домика, и слушаю чудесные радиопередачи братского Советского Союза. Как много они дают мне радости и энергии! Я часто представляю себе Москву в её теперешнем весеннем уборе.

Как жаль, что я ещё совершенно недостаточно знаю русский язык!

Но я уверен, что смогу добиться больших успехов в изучении русского языка. Я считаю, что изучение русского языка — это путь к овладению необходимым орудием для изучения опыта нашего великого друга — Советского Союза. Поэтому я твёрдо решил в свободное от работы время упорно изучать русский язык.

Гуань Чэн-цюань,
г. Кантон (Китай).

Давно я собирался изучать русский язык. Сейчас я особенно доволен тем, что эта возможность мне предоставлена. Русский язык, конечно, не относится к лёгким языкам, поэтому требуется много упорства при его изучении. Почему я изучаю русский язык? Я хочу читать сочинения Ленина и Сталина в оригинале, хочу читать советские книги. Я учусь упорно и настойчиво. Может быть, мне посчастливится освоить язык, который Ленин и Сталин своими трудами подняли на высоту мирового значения.

Хайнц Эберт из Ризы (Германская Демократическая Республика).

Трудящиеся Чехословакии с любовью изучают русский язык.

Я очень интересуюсь русским языком. Это поистине очень богатый и гибкий язык, один из важнейших в мире. Это язык великого народа.

Гено из Дижона (Франция).

В Западной Германии тоже возрастает интерес к русскому языку. Ни один другой язык не вызывает в последние годы такой симпатии и устойчивого интереса, как русский язык. Его изучаем даже мы, пожилые люди. Большая часть немцев понимает всё яснее, что нашим настоящим и самым верным другом является русский народ.

Курт Поллинг (Западная Германия).

Вы, может быть, спросите, почему я с такой страстью изучаю русский язык. Объяснение очень простое. Я давно испытываю большую симпатию к русскому народу, к России, к вашей великой столице, к русской музыке, литературе, кинофильмам. Поэтому я считаю как бы своим долгом изучать язык великого народа.

Луиджи Бартолетто (Италия).

В этом письме я хочу выразить свою любовь к советскому народу, который 23 августа 1944 года протянул нам дружескую руку и освободил нашу страну от фашистских полчищ. В буржуазной Румынии рабочий класс беспощадно эксплуатировался, не пользовался никакими правами. Двойной гнёт испытывали женщины. После 23 августа 1944 года жизнь женщин нашей страны изменилась коренным образом. Женщина теперь пользуется равными правами с мужчиной и активно участвует в построении социализма. Десятки тысяч женщин в нашей стране занимаются регулярно на вечерних курсах, изучают русский язык, язык великого русского народа.

Хобля Меланья,
г. Орадя (Румыния).

Болгария. Из Советского Союза самолёт доставил в Софийский аэропорт газеты и журналы.

Трудящиеся Народной Республики Болгарии питают безграничную любовь к братскому Советскому Союзу, к его героической Коммунистической партии и великому Сталину.

Они горячо любят язык своего освободителя, язык Ленина и Сталина, потому что через него они знакомятся с великими идеями социализма и коммунизма.

В этом году число учащихся на курсах по изучению русского языка намного возросло. В нашем округе открыто 240 курсов для начинающих и 58 — для продолжающих учёбу.

Дни открытия курсов отмечались, как праздники. В Мичурине по случаю начала учебного года было проведено торжественное общегородское собрание...

Трудящиеся с любовью изучают язык братского русского народа, язык Ленина и Сталина. Товарищ Вангел Георгиев из села Каранова, Айтосского уезда, который в прошлом году закончил первый курс русского языка, сейчас поступил на второй курс и упорно занимается. Он сказал: «На второй курс поступаю с желанием продолжить учёбу, чтобы потом я мог читать советские книги и разговаривать по-русски, черпать знания из сокровищницы социализма — коммунизма».

Христо Вълчанов,
г. Бургас (Болгария).

РЯДОМ ШАГАЕТ НОВЫЙ КИТАЙ

Рядом с могучим Советским Союзом плечом к плечу шагает Новый Китай—великая страна, сбросившая путы рабства и угнетения и ставшая на путь строительства счастливой жизни.

Прошло всего несколько лет с того дня, когда была провозглашена Китайская Народная Республика. Но за это время трудящиеся Китая, руководимые коммунистической партией, её вождём Мао Цзэ-дуном, при братской помощи СССР достигли колоссальных успехов.

Закончив восстановление хозяйства, народ приступил к крупному экономическому строительству, к широкой индустриализации страны. 1953 год — первый год первой китайской пятилетки.

— Мы должны взять такие же высокие темпы индустриализации, как в Советском Союзе и странах народной демократии,— говорят люди Китая.

Они уверены в том, что планы, которые ныне составляются Центральным Народным Правительством, будут успешно осуществлены. Это подтверждает сама жизнь, живые факты.

Снова варится сталь в мартенах восстановленного Аньшаньского комбината. Растёт добыча угля на шахтах Восточного Китая. Воздвигнуты мощные гидротехнические сооружения на реках Янцзыцзян и Хуайхэ. Через поля протянулись линии лесополос. В тех местах, где раньше почти не было дорог, раздались паровозные гудки.

На территории с сельским населением около 450 миллионов человек завершена великая аграрная реформа.

Когда крестьяне Китая, получившие большой урожай, хотят выразить свою радость, они говорят: «Гу мань тунь, дао мань цан»,— что по-русски означает: «Закрома ломятся от зерна». Эту фразу впервые после долгих лет можно было слышать в прошлом, 1952 году.

Тридцать пять миллионов крестьянских дворов организованы ныне в бригады трудовой взаимопомощи и производственные сельскохозяйственные кооперативы.

Китай строится! И в этом ему помогает Советский Союз. Дружба народов СССР и Китая крепнет с каждым днём. Силы, рождённые этой дружбой, безграничны, неисчерпаемы, непобедимы!

Рабочий пекинской электростанции Шицзиншань — Дун Дэ-мин (в середине) рассказывает директору станции и его заместителю о своём рационализаторском предложении. После внедрения этого предложения производительность угледробилки повысилась в девять раз.

На стальных путях Китая.

Дети Нового Китая. Ясли при фабрике хлопчатобумажной пряжи в Ханькоу.

Это новая плотина на Хуайхэ. Она входит в систему гидротехнических сооружений, построенных за последние годы на великой реке.

На полях республики появились новые сельскохозяйственные машины.

Доктор технических наук Владимир Болотин.

ТАЛАНТ

Фото Г. Борисова.

В актовом зале Московского ордена Ленина института инженеров железнодорожного транспорта многолюдно: сегодня здесь состоится защита докторской диссертации Владимиром Васильевичем Болотиным. Многим присутствующим в этом зале известно, что претенденту на звание доктора технических наук недавно исполнилось двадцать шесть лет.

И всё же говор удивления, как ветерок, пробегает по залу, когда Владимир Болотин появляется на кафедре: совсем мальчишеское лицо, порозовевшие от смущения щёки, комсомольский значок на форменном кителе железнодорожника.

Он начинает говорить сначала несколько смущённо, но уже через минуту от смущения не остаётся и следа. Уверенно и чётко звучат тезисы докторской диссертации, сложнейшие формулы возникают на освещённом экране. Убелённые сединами учёные с вниманием вслушиваются в слова своего юного коллеги.

Среди слушателей — заслуженный деятель науки и техники, профессор, генерал-директор Иван Петрович Прокофьев. Полвека назад окончил он этот институт. Владимир Болотин — двадцать четвёртый доктор наук, вышедший из числа его учеников.

— Талант, а? — шепчет сосед Прокофьева, наклоняясь к Ивану Петровичу.

Иван Петрович неодобрительно хмурится:

— А что такое, по-вашему, талант?..

— У Болотина поразительные способности...

— Но талант — это труд...

• • •

Трудно сказать, что больше восхищало товарищей Володи Болотина по школе: его необыкновенная память или его необыкновенная усидчивость.

Во время войны, находясь в эвакуации, мальчик потерял возможность посещать школу уже после седьмого класса. Но он не отступил перед трудностями. Год напряжённой, упорной учёбы — и Володя сдаёт экзамены за десятилетку экстерном. Это была первая победа.

...В Москве, на улице Образцова, высится здание Московского института инженеров железнодорожного транспорта. Из его светлых аудиторий, лабораторий, оснащённых по последнему слову техники, вышли тысячи командиров-железнодорожников, которые ныне прокладывают стальные магистрали, пробивают тоннели, управляют сотнями поездов, строят мосты через реки...

В этом институте на факультете «Мосты и тоннели» стал учиться Владимир Болотин. Он прилежно слушал профессоров, старательно перечитывал учебники. Но он не был начётчиком. Живая, творческая мысль рвалась к самостоятельным поискам, и рядом с формулой из учебника возникало кружево новых сложнейших формул, написанных торопливой рукой студента.

— Это зачем? — спрашивал товарищ.

— Пригодится.

— Тебе пригодится?

— И мне и... науке, — отвечал Владимир и добавлял с улыбкой: — Ведь наука, которую мы изучаем, моложе нас самих!

...В начале второй мировой войны в Соединённых Штатах Америки над заливом Такома-Нероус был построен висячий мост. Газеты хвастливо кричали о «рекордных» пролётах этого моста, о «чудесах» американской техники.

А рабочие, обслуживавшие мост, с ужасом наблюдали, как при сильном ветре прогибались и раскачивались огромные металлические фермы, как разбивались осветительные фонари, стукаясь друг о друга... И через некоторое время произошла катастрофа: мост рухнул. Такая же судьба постигла и некоторые другие «чудеса» американской техники.

Об этих событиях говорили и в стенах Московского института инженеров железнодорожного транспорта.

— Безграмотные авантюристы — эти конструкторы «американских чудес»! — брезгливо морщился профессор Прокофьев, беседуя со студентами, работающими в научном кружке. — Ради рекламы ставят «рекорды», а в расчётах полнейшие митрофанушки...

Потом профессор начинал проверку работ членов научного кружка.

Взяв в руки тетрадь Болотина, он улыбался:

— Прекрасно! Расчёты сделаны точно и оригинально...

Защитив с отличием диплом, Владимир Болотин стал аспирантом. Под руководством Ивана Петровича Прокофьева он работал над проблемой динамической устойчивости сооружений.

Это почти неизведанная область в науке. Требовалось разработать стройную научную теорию, которая позволила бы при расчётах самых сложных конструкций на вибрационную нагрузку заранее предсказать размеры колебаний. Это совершенно необходимо при проектировании и строительстве мостов, быстроходных двигателей, компрессоров, механизмов. Советские учёные здесь, в этой совсем юной отрасли науки, оставили далеко позади зарубежных учёных.

Для развития этой науки много сделал молодой учёный, комсомолец Владимир Васильевич Болотин. В 1950 году, проучившись в аспирантуре всего лишь полтора года, он защитил кандидатскую диссертацию. В июне 1952 года он с успехом защищает докторскую диссертацию.

Многие удивлялись:

— Как можно за полтора года создать такой глубокий, новаторски смелый научный труд?

Подобные вопросы доктор технических наук Болотин выслушивает с улыбкой... Полтора года? Нет. Ещё тогда, на студенческой скамье, на занятиях научного кружка, рождалась его диссертация. И многие из формул, торопливой рукой набросанные на полях конспекта лекций, легли в основу его научного труда.

Бесспорно, молодой учёный обладает незаурядными способностями.

Но главное — его умение трудиться, трудиться упорно, настойчиво, ни на один день не прекращая учёбы.

Работая над диссертацией, Владимир Болотин почувствовал, что его математических познаний уже недостаточно. Он отложил диссертацию до тех пор, пока не овладел новыми, специальными разделами высшей математики. А сколько напряжённых часов провёл он в институтской лаборатории, придирчиво и тщательно проверяя на опыте результаты своих вычислений!..

...Идёт лекция. На кафедре — доктор технических наук, инженер-майор Владимир Васильевич Болотин. Он читает курс «Сопротивление материалов».

Студенты любят лекции Болотина, с особой тщательностью готовятся к экзаменам по его предмету.

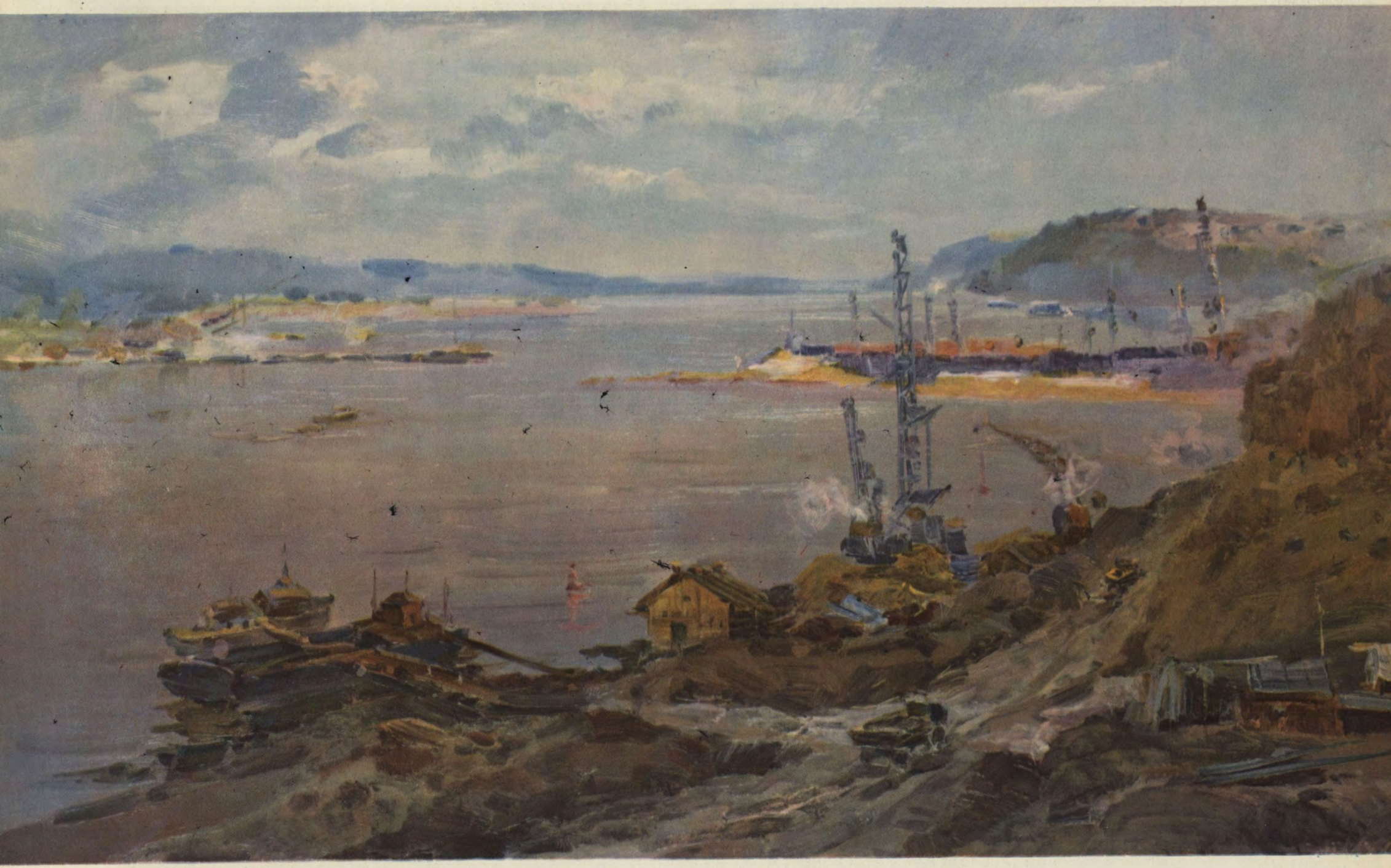
Владимир Васильевич строг. Он приучает будущих специалистов к упорству в овладении знаниями, к труду.

За столами в аудитории — десятки студентов. Русские, белорусы, узбеки, корейцы, румыны... Многие из них хотят стать учёными. Многие из них уже обнаружили недюжинные способности. Но только тот достигнет вершин в науке, кто готов самоотверженно трудиться.

А. ЕВСЕЕВ

Н. Чебаков.
Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Павлик Морозов.



Куйбышевгидрострой. Общий вид строительства.

В. Гапошкин

Ирэна ПОЛЛ

Это — Джим

Рассказ

В Миннесоте стоят августовские дни, но в воздухе уже чувствуется сентябрь. Глядя на сверкающие просторы полей, на лёгкое колыхание хлебов, я уже не думала ни о заглохшем моторе моего автомобиля, ни о том, что я должна засветло добраться до Голубой Земли.

Я залюбовалась этой щедрой, плодородной землёй. Совершенно неожиданно у обочины остановилась машина, нагружённая железным ломом. Из кабинки выглянуло добродушное лицо шофёра.

— Авария? — осведомился он.

— Да, — ответила я. — Вы не смогли бы помочь мне добраться до соседнего города? Я надеюсь привезти оттуда механика, чтобы он попробовал починить эту развалину. Видите, её невозможно даже сдвинуть с места.

— Садитесь, — сказал он, распахивая дверцу. — Отличная погодка, не правда ли? Чёрт бы побрал всю эту болтовню о Калифорнии и Флориде... Я лично ни на что не променял бы нашу добрую Миннесоту. Конечно, бывает, иногда в январе, когда начинает дуть этот проклятый норд-ост, размечтаешься о зелени, и тянет удрать на время в Миами — переждать, пока уймётся непогода. — Он сплюнул в окошко.

— Война продолжается, — заговорил снова шофёр, — цены на железный лом растут — от двадцати до тридцати долларов за тонну... Кто знает, может, и мне повезёт...

— И вы думаете, что на этом стоит зарабатывать?

— На чём?

— На войне.

Лёгкая тень смущения набежала на добродушное лицо шофёра.

— Я, как и все наши ребята, против войны, — сказал он. — Но каждый не прочь подзаработать на ней. Богачи... эти заколачивают вовсю. Я смотрю на это дело так: одним удаётся, другим нет. Но пока они воюют, почему бы и мне не урвать своё?

Старый «форд» отчаянно громыхал по просёлочной дороге.

— Одним удаётся, другим нет... — повторил шофёр. Вдруг он неожиданно нажал на тормоз, и машина резко остановилась.

— Боже мой! — воскликнул шофёр. — Какое богатство пропадает!

Мы остановились возле небольшой фермы. Запущенный участок заметно выделялся среди тщательно обработанных полей и аккуратных ферм, попадавшихся на нашем пути.

Два окна дома, выкрашенного в незапамятные времена, скорбно смотрели на дорогу. Шофёр внимательно разглядывал покрытый ржавчиной трактор, который стоял посредине двора.

— Бьюсь об заклад, — воскликнул он, — здесь пропадает, по крайней мере, три тонны металла, а может, и все четыре!.. Послушайте, а что, если я зайду сюда на несколько минут и уговорю хозяев продать эту рухлядь? Я вас задержу ненадолго. Это займёт совсем немного времени.

— Конечно, — ответила я. — Идите. Вы не будете против, если и я зайду вместе с вами?

— Пойдёмте, — сказал он. — Я вам покажу, как просто в наши дни делаются доллары...

Мы вошли во двор, и я следом за ним направилась прямо к трактору, который он продолжал разглядывать с интересом и восхищением. Так мой отец, скупщик скота, осматривал в своё время племенных быков.

Неожиданно мы оба оглянулись и увидели, что на нас смотрит фермер. Это был худой, измождённый человек, скрюченный ревматизмом. Он не задавал никаких вопросов и как будто не проявлял к нам никакого интереса. Взгляд его печальных серых глаз, казалось, давным-давно угас.

— У вас здесь уйма железного лома, — сказал шофёр, осклабившись. — Вы можете за него кое-что получить, мистер. Все заботы я беру на себя. Мы очистим ваш двор. Этот трактор, наверно, стоит здесь без употребления уже не первый год?

— На нём работал мой сын Джим, — вяло ответил фермер. — Это было до того, как его забрали на войну.

— Вот как? Очень жаль, что машина оставалась у вас без присмотра под открытым небом. Теперь, чёрт возьми, это не больше, как куча железного лома. Это никуда не годится. Я заберу у вас этот хлам, а заодно и вон тот старый плуг, который ржавеет в поле.

— Пусть ржавеет, — сказал старик.

— Пусть ржавеет! — воскликнул шофёр с неподдельным изумлением. — Вы понимаете, что вы говорите, мистер? Война, а у вас бесценный металл пропадает в поле. Мы воюем. А вам известно, что для войны нужны пули: солдаты не могут стрелять в желтолицых без патронов. А патроны делаются из металла.

— Пусть ржавеет, — уныло повторил старик, давая понять, что разговор окончен.

Однако упрямый шофёр не унимался.

— Вы не патриот, мистер... — назойливо твердил он.

Я отвернулась, сгорая от стыда.

* * *

Желая показать, что не имею к этому человеку никакого отношения, я направилась к дому. Возле небольшого загона я натолкнулась на старого бородатого козла. Полный сознания собственного достоинства, бородач принялся оглядывать меня с дружелюбным любопытством.

И только потом я заметила стоявшую неподалёку женщину. Она была такой же измождённой и худой, как и её муж. В глубоко запавших глазах застыла та же безнадёжность.

— Это любимец Джима, — сказала женщина. — Джим был совсем мальчуганом, когда мы купили этого козлёнка. Когда Джим уходил в школу, он всегда увязывался за мальчиком. Нам приходилось запирать козлёнка в хлев. Джим обожал его.

Я улыбнулась, представив себе, как этот бородатый козёл провожает Джима в школу.

В этой картине было что-то трогательное и комическое. Мне казалось, что именно так рассказывает об этом женщина. Но она не улыбалась.

— У вас есть сын? — равнодушно спросила она после небольшой паузы. В голосе её не прозвучало никакого любопытства.

Рисунок Г. Балашова.

— Да,—ответила я и снова улыбнулась, потому что не могу без улыбки думать о темноволосой красивой голове сына, его стройной юношеской фигуре, улыбке, которая так напоминает его отца... Как и все матери, я бережно храню в своём сердце воспоминания о моём ребёнке с момента его рождения. Они точно альбом, в котором я бережно переворачиваю страницу за страницей.

— Сколько ему?—спросила женщина.

— В ноябре будет четырнадцать.

— Скоро он станет достаточно взрослым, чтобы умереть.

Её взгляд нисколько не изменился, в её глазах не промелькнуло и тени теплоты, но мне показалось, что она смотрит на меня с жалостью и сочувствием. Эта женщина внушала мне страх. Словно ледяным дыханием, пахнуло от неё на моего мальчика.

Что прорвало плотину, преграждавшую путь потоку слов, камнем давивших её долгое время?

Может быть, это сделала любовь, сверкнувшая в моих глазах, когда она спросила о моём ребёнке.

Чем я убедила её в том, что и мне понятна безграничная радость и глубокая печаль матери, вырастившей сына в эти страшные годы?

Может быть, улыбкой, промелькнувшей на моём лице, когда она напомнила мне о моём любимом мальчике.

— Пойдёмте,—сказала она.

* * *

Я вошла в дом следом за ней. Здесь пахло затхлостью, как на заброшенном чердаке. На всём окружавшем меня лежал тот же отпечаток запущенности.

Комната, в которой жили старики, хранила воспоминания об их сыне.

Всё, начиная с одноглазого игрушечного медвежонка, лежащего возле зеркала на старомодном буфете, и кончая велосипедом, прислонённым к стене, говорило о нём. На стене висели детские рисунки. На одном из них был неплохо изображён мальчишка в шапочке с помпоном, летящий на санках с горы, на другом—осенняя астра. В углу валялась бита для игры в бейзбол, боксёрские перчатки, покрышка футбольного мяча и трехколёсный сломанный велосипед. Экспонаты этого трагического музея рождали страшное ощущение.

Женщина достала семейный альбом и принялась перелистывать его своими худыми, иссохшими пальцами.

На её лице не было той ласковой и печальной улыбки, с какой обычно вспоминают о навсегда ушедших дорогих людях и о счастливом прошлом, связанном с ними. Женщина не улыбалась. Альбом не пробуждал в ней ни радости, ни печали, ни светлых воспоминаний.

— Это Джим,—сказала она.

Передо мной была фотография здоровой, энергичной женщины лет сорока с ребёнком на руках. Лицо её сияло гордостью.

Я взглянула на мою собеседницу. Энергичная, здоровая женщина на фотографии и измождённая старуха, сидящая рядом со мной, не имели между собой ничего общего.

— Когда он родился, мне было сорок два года, а мужу—пятьдесят. Мы уже и не надеялись, что у нас будет ребёнок. Он появился у нас, как чудо.

Бесчисленные снимки—маленький Джим на четвереньках, первые шаги Джима, Джим, неуверенно стоящий возле стула, мать учит сына ходить, отец учит сына ходить...—все эти фотографии говорили о той гордости и радости, которую внёс с собой ребёнок в этот дом. Женщина перевернула ещё одну страницу.

— И это Джим,—сказала она.

На фотографии был снят подросток, только что окончивший среднюю школу. Открытое, умное лицо, весёлая улыбка, широко раскрытые глаза, взгляд юноши, преисполненного любви и восхищения к окружающему его миру.

— Он был лучшим учеником,—сказала мать.—Лучшим во всей школе.

Потом она стала показывать мне другие фотографии.

Джим на тракторе, Джим гладит козлёнка, Джим кормит свиней, Джим, благоговейно склонённый над ростками ржи... Около сотни фотографий, на которых был любовно запечатлён Джим.

Женщина перевернула страницу, и её пальцы, крепко сжимавшие лист бумаги, задрожали.

— Это Джим,—сказала она и глубоко вздохнула.

Я поняла, что это их любимая фотография. В центре страницы был большой снимок Джима в форме студента—выпускника сельскохозяйственного отделения Миннесотского университета.

...И хлынул безудержный поток слов:

— Он поехал на практику. У него было разработано множество способов, как увеличить урожай. Он говорил, что стебель должен быть не таким длинным, а вдвое короче. Тогда зерно будет крупнее и слаще. Самое главное, утверждал он,—это научиться переключать силу роста со стебля на колос. Он знал, как предохранять пшеницу от ржавчины и яблони от коросты. Он, бывало, выедет на тракторе в поле и поёт... А я смотрю в окно, и радостно мне видеть, как он трудится на поле под солнцем, поёт и мечтает о лучшей жизни.

Он вечно обдумывал какие-нибудь новые планы. Фермеры всегда приезжали к нему за советами. Он придумал специальный корм для свиней. На летней ярмарке ему дали за это первый приз в штате. Тогда (это было за год до его ухода на войну) он собрал всех фермеров и рассказал им, как надо смешивать корм, чтобы лучше откармливать свиней. Он постоянно следил за участками соседей, как за своим собственным. Джим говорил, что влюблён во всё живое... Когда он в сорок пятом вернулся с войны, для нас это был большой праздник.

Все были счастливы, что Джим вернулся. Он опять мог помогать фермерам бороться с ржавчиной и засухой, добиваться лучшей жизни. В последние годы отца мучил ревматизм, и он не мог больше заниматься хозяйством, ферма стала разваливаться. И вот как раз в это время вернулся Джим. Это был самый счастливый день в нашей жизни.

* * *

— Он вернулся?—спросила я.

— Вернулся. Но потом его снова взяли. В резервы. Как только началась война в Корее, его отправили туда. Лётчиком... Он не хотел ехать. Он не хотел больше слышать о войне. Он говорил, что не может убивать людей и сбрасывать бомбы на мирные крестьянские дома. «Это бессмысленная война,—говорил он.—Эти люди не причинили нам никакого вреда...» Он говорил, что есть много таких вещей, о которых мы ничего не знаем. И мы не имеем права совать нос в дела других народов.

Глаза женщины были устремлены в пространство.

— Я помню день его отъезда,—продолжала она.—Накануне он вспахал всю землю и нанял человека, чтобы тот засеял её, потому что отец был болен. Джим стоял вот здесь, у порога, возле открытых дверей. Была весна. Пахло свежестью. Свежая земля весной пахнет особенно хорошо.

«Я не убийца,—сказал Джим.—Я не убийца. Я не хочу убивать.—Снова и снова повторял он эти слова.—Эта война бессмысленна. Я не хочу убивать. Если бы они послали меня что-нибудь строить, выращивать... А убивать я не хочу. Я не убийца».

От этих слов в моё сердце закралось страшное предчувствие, от которого волосы шевелились на голове и кровь застывала в жилах. Снова и снова он повторял их, эти слова, мне делалось всё страшнее и страшнее...

...Неожиданно дверь спальни распахнулась, и на пороге появился страшный, растерзанный человек с бессмысленно раскрытым ртом и блуждающими глазами. Может быть, он был молод. Но безумие так преобразило весь его облик, что невозможно было определить ни пола, ни возраста. В этом отталкивающем существе не осталось ничего человеческого.

Ужас застыл на моём лице.

Женщина осторожно закрыла альбом, положила его на полку и, опустив голову, тихо сказала:

— Это—Джим.

Перевела с английского
Ф. ЛУРЬЕ.

СЕ МАН ИР

Мост

Если бомба опять
в этот мост попадёт,
наш бесстрашный народ
снова мост возведёт.

Если трижды за сутки
пробомбят с высоты,
трижды
новые встанут мосты.

Вот старик,
пот с лица вытирая рукой,
говорит, выпрямляясь
над бурной рекой:

«Если б спину свою
мостом сделать я мог,
поперёк этой речки
немедленно б лёг,

чтоб солдаты —
защитники нашей земли —
поскорее
к победе пришли!»

И слова эти
мостом незримым встают,
по которому к миру
народы идут.

И нет бури такой,
и нет бомбы такой,
что смогли б уничтожить
мосты над рекой.

Перевёл с корейского
В. ЖУРАВЛЁВ.

ФРАНСИСКО ГОЙЯ

(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

Великий испанский художник Гойя жил и работал в один из самых бурных периодов истории своей родины — на рубеже XVIII—XIX веков. Это было время героической борьбы испанского народа с интервенционистскими полчищами Наполеона, время первой (1808—1812 годы) и второй (1820—1823 годы) буржуазных революций в Испании.

Современник этих событий, Гойя воплотил в своих произведениях трагическую судьбу испанского народа, его неиссякаемую жизненную силу и величие.

Франсиско Хосе де Гойя родился 30 марта 1746 года в деревне Фуэнтетодос, близ Сарагосы, в семье ремесленника. Живописи он начал учиться с четырнадцати лет у сарагосского художника Мартинеса. Двадцатилетним юношей Гойя, спасаясь от преследований инквизиции, бежит в Мадрид, а затем в Италию, где находится до 1771 года.

Классическое итальянское искусство осталось ему чуждым. Учителями художника были, по его словам, Веласкес, Рембрандт и природа.

Широкую известность принесли Гойе эскизы для шпалер королевской мануфактуры (1776—1791 годы).

Художник запечатлел в них сценки из народной жизни: сбор урожая, игры и празднества, уличные эпизоды. Построенные на сочетании нежных, светлых, радостных тонов, эти картины полны красочности, проникнуты беззаботным настроением. В них Гойя изображает жизнь народа ещё несколько односторонне.

Углубление мировоззрения Гойи, рост его критического отношения к действительности начинается с 90-х годов XVIII века. Этому способствовала политическая обстановка в стране.

В то время, когда во Франции бушевала революционная буря, Испания оставалась одной из самых отсталых стран Западной Европы. Правящие реакционные силы — дворянство и католическое духовенство — нещадно грабили и эксплуатировали народные массы, отравляли их ядом религиозных предрассудков.

Автопортрет из «Капричос».

Передовые люди страны, вдохновлённые примером революционной Франции, боролись против феодально-католической реакции. Гойя не остался в стороне от этой борьбы.

В 1793—1803 годах художник создаёт свою знаменитую графическую серию «Капричос» — восемьдесят офортов с аллегорическими подписями. В фантастической, гротескной форме «Капричос» бичевали язвы феодально-абсолютистского строя Испании. Построенные на контрастах чёрного и белого цветов, динамичные по своей композиции, офорты Гойи предельно лаконичны и выразительны.

Гойя подчёркивал паразитизм, нежизнеспособность представителей господствующих классов. То это тупые ослы, взгромоздившиеся на плечи испанского народа, то безобразные «ленивцы» — уроды с закрытыми глазами и замками на ушах, которых кормят с ложки. Полны остроты антиклерикальные сатиры художника. Гойя высмеивает суеверие в своей гравюре «Что может сделать портной». Толпа склонилась перед уродливой, надвигающейся на неё фигурой монаха. Но, если вглядеться, это всего-навсего ряса, напяленная на засохшее дерево.

Инквизиция поняла остро сатирический смысл «Капричос» и начала преследовать художника. Тогда Гойя пошёл на хитрость. Он, воспользовавшись своим положением придворного художника, преподнёс оттиски гравюр королю. Тот не разобрался в их зашифрованном, аллегорическом содержании и приказал издать всю серию.

Гойя становится модным портретистом. Но своё отношение к созданию официальных портретов он насмешливо выразил в одном из листов «Капричос»: маленькая обезьянка старательно рисует портрет важного осла.

Портрет не совсем похож: ослиные уши прикрывает пышная львиная грива...

Знаменитый групповой портрет многочисленной королевской семьи (1800 год), — по существу, скрытая сатира, так как Гойя сумел показать в нём духовное ничтожество и физическое вырождение правящей верхушки.

Страстно ненавидя силы реакции, художник противопоставляет им в своём творчестве стремление к жизнеутверждающему, светлому началу. Гойя пишет ряд портретов своих передовых современников. Эти произведения сделаны с подлинным творческим вдохновением. Самое выдающееся из них — портрет Гильмарде́, французского посла, в прошлом члена Конвента, которого отказался принять испанский король. Сам факт создания этого портрета является вызовом, брошенным художником феодальной Испании.

С особенной силой проявилось дарование Гойи во время героической борьбы испанского народа с французской интервенцией. Художник был свидетелем восстания 1808 года в Мадриде, жестоко подавленного французами. Он пи-

Гравюра «Они вне себя» из серии «Бедствия войны».

«Расстрел французскими солдатами испанских повстанцев».

шет картину, одну из самых потрясающих по своему драматизму в истории мировой живописи,— «Расстрел французскими солдатами испанских повстанцев». Под ночным небом на фоне спящего Мадрида разыгрывается человеческая трагедия. Зловещий желтоватый свет фонаря вырывает из темноты группу пленённых повстанцев. Безликая шеренга солдат направила на них ружья. Изображён предельно напряжённый момент перед залпом. Суровая правда этой картины вызывает ненависть к врагу, веру в силы народа. Недаром она находила живой отклик у бойцов Народного фронта в годы героической борьбы испанского народа с фашизмом.

В годы герильи — народной партизанской войны с французскими захватчиками — художник создаёт графическую серию «Бедствия войны» (1810—1820 годы). Это произведение — вершина реалистического мастерства Гойи. Оно написано кровью сердца большого художника-патриота.

Гойя в этой серии отобразил свои личные впечатления от поездки по стране и посещения в перерыве между двумя осадами родной героической Сарагосы. «Так было», «Я это видел», «И это тоже», «Какое мужество!» — скупо и сурово подписывает он свои произведения.

Однако война для Гойи не только народная трагедия, но и «незабываемое зрелище живучести народа» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 724).

Твёрдая вера в то, что ни смерть, ни голод, ни виселицы не сломят свободолюбивого духа испанского народа, составляет пафос серии «Бедствия войны». Её непреходящая актуальность — в показе героического народного сопротивления иноземным захватчикам.

Отстояв свою независимость, испанский народ попал в тиски новой феодальной реакции. Первая и вторая буржуазные революции в Испании были разгромлены. Гойя гневно клеймил разгул реакции в своих последующих произведениях, реальный, политический смысл которых был тщательно зашифрован художником. И в эти тяжёлые годы он попрежнему был полон неиссякаемой творческой энергии.

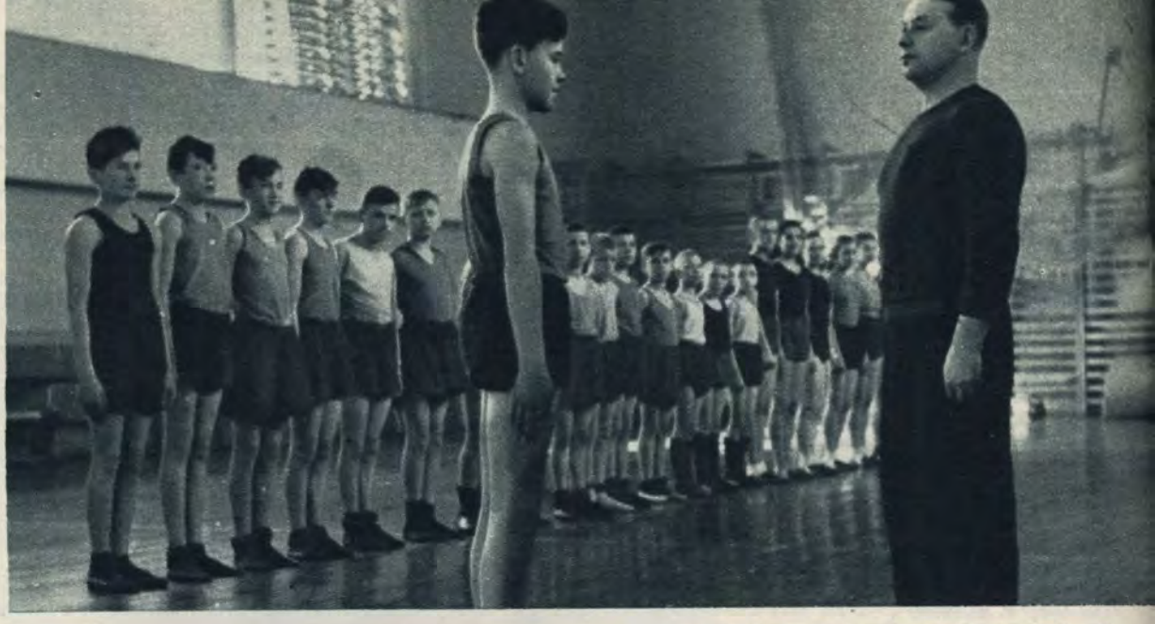
Гойю влекут к себе прекрасные образы людей из народа. Он создаёт яркие полотна: «Кузнецы» (1819 год), «Водоноска» (1820 год) и другие.

Жизнь Гойи в обстановке королевского двора была невыносимой. Под предлогом лечения художник уезжает в 1824 году во Францию и обосновывается в Бордо — центре передовой испанской эмиграции. До конца своей жизни, совсем глухой, почти слепой, художник продолжает плодотворно работать. 16 апреля 1828 года Гойя скончался.

В нашей стране жизнеутверждающее, героическое по духу творчество Гойи, одного из основоположников европейского реалистического искусства, всегда пользовалось заслуженной известностью.

В. В. Стасов писал, что «...со стороны правды, естественности, глубокой мысли, горячего чувства, национальности и историчности, Гойя... лучший и высший художник конца XVIII и начала XIX века».

Т. КАПТЕРЕВА,
кандидат искусствоведческих наук.



АКРОБАТЫ

Фотоочерк М. Боташева.

Акробаты...

С этим словом в народе связано представление о ловких, бесстрашных, сильных людях.

Кто в детстве не пробовал на лужайке, на песке, у реки кувыркаться, стоять на голове, на руках, прыгать в воду, переворачиваясь в воздухе, вызывая единодушное одобрение сверстников!

Огромной популярностью пользуется акробатика в нашей стране.

Тысячи юношей и девушек с увлечением занимаются этим мужественным, красивым видом спорта.

Разнообразны и интересны тренировки акробатов.

1) Вот старший тренер секции спортивного общества «Крылья Советов» мастер спорта Владимир Леонов вошёл в зал, староста группы подал команду «Смирно!» и отдал рапорт.

Члены секции готовы к тренировке.

В начале урока необходимо тщательно разогреться, подготовить организм к работе, чтобы не потянуть мышц при резких движениях, не порвать связок.

Юноши и девушки, идя друг за другом по залу, проделывают различные упражнения, постепенно ускоряя темп.

Тренер стоит в центре зала и внимательно следит за каждым.

Все упражнения должны выполняться точно, без излишнего напряжения.

Затем спортсмены разбиваются на небольшие группы и приступают к изучению акробатических элементов и комбинаций, которые входят в программу соревнований.

2) Чемпионы страны мастер спорта Владимир Фролов и мастер спорта Виктор Марченко встретились на середине ковра, взялись за руки.

Едва уловимое движение — и Фролов оказался над головой своего товарища.

3) Когда Валя Рудакова и Валя Вершинина участвуют в показательных выступлениях, зрителей обычно поражает лёгкость и непринуждённость, с которой девушки выполняют даже очень сложные упражнения. Всё получается у них будто само собой.

Но товарищи по секции хорошо знают, с каким упорством подруги отшлифовывают каждое движение.

4) Девушка взлетела в воздух, раскинув руки, будто крылья. Кажется, сейчас она скользнёт над товарищами, которые приготовились ловить её, и ласточкой вспорхнёт в небо.

5) А когда молодые спортсмены, окончив тренировку, шумливые и весёлые, уходят из зала, готовиться к соревнованиям начинают мастера.

Владимир Фролов, Виктор Марченко и Владимир Леонов отрабатывают произвольные упражнения.

3

4

5

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ИРАНА

О романе Гарегина Севунца

«Тегеран»—так называется двухтомный роман армянского писателя Гарегина Севунца. Это — сложное, многоплановое произведение. Действие его начинается накануне второй мировой войны и заканчивается событиями осени 1943 года. Перед читателем раскрывается широкая панорама жизни Ирана.

Автор ведёт нас в резиденцию шаха и в хижины бедняков, в аудитории Политехнического института и на запруженные народом тегеранские улицы.

Основная тема романа — разоблачение иностранных происков империалистов в Иране. Перед второй мировой войной между крупнейшими империалистическими державами разгорелась яростная борьба за проникновение в стратегически и экономически важные районы земного шара. Граничащий с СССР, богатый нефтью Иран стал в те годы ареной острого столкновения интересов Англии, США и гитлеровской Германии.

Гарегин Севунц «Тегеран» (роман в двух частях). Авторизованный перевод с армянского А. Садовского и Арусь Тадевосян. «Советский писатель». Москва. 1952.

С большой разоблачительной силой рисует автор образы американского советника Бентона, английского дельца Криппса и посланца «фюрера» — Мейера, орудовавших в Иране.

Джон Бентон ловко вовлекает в свои сети нужных ему людей из иранского государственного аппарата. Он использует их для того, чтобы навязать шахскому правительству соглашение с американской фирмой «Денавар-компани», заинтересованной в разработке нефтяных месторождений на севере страны. Начав борьбу за нефть, американцы ведут её, как пишет Г. Севунц, «теми же способами, что и в Мексике,— долларом и пулей». Американские колонизаторы боятся только одного — голоса народа, пробуждения его национального сознания, усиления освободительного движения. Иностранных поработителей охватывают страх и бессильная злоба при одном упоминании о борцах за свободу. «Мне кажется,— говорит Бентон,— эти люди способны привести в движение широкие слои общественности, поднять большой шум, а это нам сейчас совсем невыгодно».

Бентону во всех его тёмных делах помогают подкупленные им начальник тайной полиции Ирана полковник Хосров Хавар, министр финансов Рашти и другие продажные чиновники.

Но, несмотря на то, что янки идут напролом и не скупятся на доллары, дела «Денавар-компани» подвигаются чрезвычайно медленно. Проискам американцев противодействует Англо-Иранская нефтяная компания.

Англичане уже давно сумели пустить в Иране глубокие корни. Англо-Иранская нефтяная компания безраздельно господствует на юге страны. Одному из честных иранских инженеров, Манучеру Мардани, было дано официальное задание — проверить доходы Англо-Иранской нефтяной компании, которая скрывала истинные цифры добычи нефти и ежегодно недоплачивала иранскому правительству огромные суммы. Попытка провести ревизию кончилась тем, что местные иранские власти, по указке англичан, засадили члена правительственной комиссии Манучера Мардани в тюрьму.

Англо-Иранская нефтяная компания держала в своих руках всю страну. Стоило компании пожелать, как в Курдистане или других провинциях подкупленные ею шейхи и старейшины начинали угрожать восстанием и отказывались подчиняться центральному правительству.

Убедительно показан один из проводников английской политики в Иране — некий мистер Криппс, промышленник и коммерсант, иранец по паспорту и англичанин по происхождению. Он давно обжился в Иране, в совершенстве изучил местные обычаи и завязал самые тесные отношения с десятками богатых семей, где собирал нужные ему сведения. Этого опытного и ловкого дельца трудно заподозрить в том, что он руководитель широко разветвлённой сети шпионов, проникавших во все сферы общественной и экономической жизни страны. Многие из тегеранцев, у которых Криппс пользовался безупречной репутацией, были бы изумлены, если бы узнали, что они служат его шпионским целям. Никто из знакомых этого «очаровательного джентльмена» и представить себе не мог, что по его желанию десятки честных людей казнены или отправлены за решётку.

Агент Гитлера Мейер развивает в Иране бешеную деятельность по созданию «пятой колонны». Он пытается организовать реакционную молодёжь в фашистские союзы, старается разжечь в правящей верхушке расовую ненависть ко всем неиранцам, живущим в стране.

Иностранные агенты стремятся путём посулов, интриг, шантажа и запугиваний склонить Реза-шаха и его правительство на свою сторону. Для них все средства хороши, лишь бы верно рассчитанным ударом опрокинуть конкурента и заполучить возможность эксплуатировать иранский народ и природные богатства страны. Г. Севунц ярко показывает, как иностранный капитал разрушает иранскую экономику, как чужеземные грабители разлагают правящую верхушку, способствуют коррупции и загниванию государственного аппарата.

Писатель раскрывает социальные противоречия во всей их остроте. Сказочной роскоши иранских богачей противопоставляется нищенское существование народа, изнывающего под гнётом иранской

И З ПОЧТЫ «СМЕНЫ»

ПОМОЩЬ ТОВАРИЩЕЙ

Виктор Лавров окончил ремесленное училище и поступил на машиностроительный завод. В первый же месяц Виктор показал себя хорошим работником: задания выполнял и перевыполнял, не имел брака. И бригадир Николай Северцев был доволен им.

Прошёл месяц. И вот однажды, давая задания рабочим, Северцев выписал Виктору наряд на изготовление двухсот гаек. Виктор, посмотрев наряд, обиделся:

— Что я заработаю на гайках? Поручите другому!

Бригадир уступил Лаврову и предложил ему обработку других, более «выгодных» деталей.

Но через два дня Виктору всё же поручили обработку мелких деталей. Каково же было удивление всех, когда он прикинулся больным и отправился на медпункт!

Больничного листка здоровому человеку, конечно, не дали. Когда же мастер цеха потребовал больничный лист, Виктор стал лгать:

— Вышел я из завода, отдохнул, и всё прошло.

По существу, это был настоящий прогул, который прошёл безнаказанно. Вскоре Виктор вовсе не вышел на работу.

— Читал книгу и уснул, а когда проснулся, было уже поздно, кончалась смена,— объяснил он.

О Викторе Лаврове разнеслась по цеху худая слава. О его поведении начали говорить на производственных собраниях. Болезненно восприняв критику, он снова повторил прогул.

Нашёлся у Виктора и дружок — токарь цеха Геннадий Жучков. Вместе они учились в ремесленном, вместе поступали в школу рабочей молодёжи, вместе перестали посещать её, вместе и выпивали.

Так прошёл месяц. Не замечаемый комсомольской организацией, Виктор стал нарушителем трудовой и комсомольской дисциплины. Бригадир Северцев разводил руками:

— Неисправимый человек. Такое уж воспитание получил в семье...

Наконец комсорг цеха Костя Лапин обратил внимание на поведение Виктора. Он знал прежде Виктора как хорошего и умного человека.

— Не семья виновата, а мы допустили ошибку,— сказал однажды Костя Северцеву.

Виктора вызвали в комитет комсомола.

— Зачем я тут понадобился? — недовольно спросил он, едва переступив порог.

Долгой и неприятной показалась Виктору беседа в комитете. Особенно «нападал» на него, как ему показалось, комсорг цеха Костя. Когда Костя заявил, что вопрос о поведении Виктора будет обсуждаться на собрании группы, тот забеспокоился:

— Я не первый прогуливаю... А другие? О них вы думаете?

Упрёк был справедлив.

— Так было раньше, теперь так не будет! — признал Костя недостатки своей работы.

На собрании комсомольской группы Виктор пообещал исправиться.

...Спустя несколько дней, вечером, возвратившись с занятий хорового кружка, Виктор не узнал своей комнаты: пол вымыт, стол покрыт скатертью, стулья аккуратно расставлены, окна протёрты, а два высоких фикуса, которые ютились в углу запылёнными, стояли у кровати, блестя зеленью листьев.

Виктор осторожно прошёл по комнате. Всё изменилось. И только под кроватью остались лежать невычищенные ботинки, которые были заброшены туда месяц назад.

«Кто же здесь был? — мучился догадками Виктор.— Не мама ли вышла из больницы? Но вчера она писала, что выйдет недели через две...»

На столе Виктор нашёл записку. В ней говорилось: «По поручению комсомольской группы мы должны были проверить ваш быт. Просим поддерживать в комнате порядок. Вычисти ботинки. Комсомольцы первого цеха».

Вошёл брат Павел.

— Девушки к тебе с завода приходили,— сообщил он.— Пришлось мне тут одному краснеть...

И хотя Виктор казался недовольным тем, что брат позволил девушкам убрать квартиру, внутренне же он радовался, что товарищи его не забыли и стараются ему помочь.

Утром на работу Виктор вышел раньше обычного. Он внимательно осмотрел станок и запустил мотор. В этот день он значительно перевыполнил дневную норму.

Радостный, возвращался он вечером домой. На улице к нему подошёл комсомолец Золотарёв, товарищ по вечерней школе.

— Пойдёшь в школу? — спросил он Виктора.

— Отстал я, догонять придётся...

— Не беда, поможем...

...Почувствовав постоянную помощь и контроль со стороны коллектива, Виктор Лавров давно уже изменил своё поведение. Сейчас его фамилию часто можно видеть в очередной «молнии», которая сообщает об успехах стахановцев. И в учёбе у него успехи: позади остался восьмой класс. Виктор учится в девятом и не имеет ни одной плохой оценки.

Теперь при упоминании о прошлых ошибках Виктор чистосердечно признаётся:

— Была дурь... Спасибо, товарищи помогли мне от неё избавиться.

Василий ЛАПИКОВ,
сменный мастер
машиностроительного завода.

буржуазии и иностранного капитала.

В поисках заработка бродит по Тегерану доведённый до отчаяния безработный Хатиб. Его семья нищенствует, питается отбросами. Проходит много времени — жена Хатиба, его ребёнок и сестра гибнут, он так и не находит работы.

На южных нефтяных промыслах страны рабочие живут в ямах, почти под открытым небом, умирают от истощения и эпидемий. Заработка не хватает на хлеб, а многосемейные вынуждены питаться червями, которых выкапывают в иле на берегу моря.

Автор правдиво повествует о жизни обездоленных иранских крестьян. Нельзя без возмущения читать страницы, рассказывающие о произволе, который творят в деревне крупные землевладельцы.

Большое место в романе занимает изображение жизни иранской молодёжи. С первых же его страниц автор знакомит читателя с событиями в тегеранском Политехническом институте, говорящими о том, что молодёжь не стоит в стороне от борьбы за социальный прогресс и национальную независимость.

Сделав одной из ведущих тем романа показ классовой борьбы в Иране, автор сумел создать типические образы живых и конкретных носителей передовых идей, смелых, мужественных людей, способных бороться и побеждать. Этих людей смертельно боятся и ненавидят Бентоны, Криппсы, Мейеры и их наймиты. Империалистических агентов и предателей иранского народа приводит в ярость одно упоминание об имени доктора Шэмса Азади — бесстрашного борца за свободный Иран. Азади — человек широкого кругозора и твёрдой воли. Статьи, которые Азади публикует в журнале «Мир» и прогрессивной газете «Рассвет», будят народ, вызывают живой отклик у честных людей. Реакционеры бросают доктора Азади в тюрьму, но и там он находит способы продолжать борьбу. Шэмс Азади гибнет, но память о нём остаётся в народе, дело его продолжают друзья и ученики. Писателю удался образ другого прогрессивного деятеля — Шовката. Он долго возглавляет газету «Рассвет», но и его арестовывает охранка. На суде Шовкат и Азади произносят речи, которые были, по сути дела, обвинительными.

В романе есть страницы, которые волнуют читателя до глубины души... Население иранской столицы переживает незабываемые дни. Идёт Тегеранская конференция. В Тегеране Иосиф Виссарионович Сталин. Огромные толпы народа заполняют улицу, которая ведёт к воротам парка советского посольства. У всех на устах имя Сталина. Однажды на улицах Тегерана появилась огромная колонна юношей и девушек, которые, держа в руках букеты цветов, направились к советскому посольству. Они хотели усыпать цветами мостовую, по которой проедет великий Сталин...

Роман Гарегина Севунца «Тегеран» заканчивается эпизодами, свидетельствующими о том, что англо-американские колонизаторы усиливают наступление на прогрессивные силы Ирана, активизируют политику закабаления страны. Но, закрывая книгу, читатель верит в победу иранского народа, борющегося за национальную независимость своей родины.

Владимир КОРНИЛОВ

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

ПЛОХАЯ РЕПУТАЦИЯ

Алексею Петрову
Когда-то давно
Было строгим комсоргом
Заданье дано.

А Петров в этот день был
рассеян, спешил:
Он любимой назначил свидание.
И поскольку тогда он про всё
позабыл,
То совсем позабыл и задание.

Подвела Алексея Петрова любовь!
Он потом спохватился, да поздно.
Не воротишь прошедшего вечера
вновь.
Провинился Петров... и серьёзно!

Вслед за тем разговор неприятный
возник,
Ну, конечно, упрёки, нотация...
И наклеен был тут же на парня
ярлык.
И была создана репутация.

И Петров, как тогда же узнал
коллектив,
Навсегда был комсоргом зачислен
в «пассив».

— Активистом не может быть
парень такой,—
Заявил он, махнув на Петрова
рукой,
И добавил:
— Нетрудно понять, почему:
Кругозор его мелок и узок.
И нельзя, разумеется, больше ему
Ни заданий давать, ни нагрузок!

И комсоргу Петров возражать
не посмел.
Стал Петров сторониться
общественных дел,
Согласился Петров,
Что пустой он
И нагрузок иметь
недостоин...

Много раз на деревьях менялась
листва,
Много вёсен с тех пор миновало,
Но жива о Петрове
всё та же молва,
И на лбу у него
роковые слова:
«Отстающий, нестоящий малый!»

Ежегодно, а то даже два раза
в год
На отчётных собраньях читался
отчёт.
И комсорг
В заключительном слове
Горячо говорил
О Петрове.

Обличал его резко и делал упор
На словах:
«отставанье»,
«отрыв»,
«кругозор»,
Не забыв, разумеется, упомянуть
И такие слова, как «вовлечь» и
«втянуть».

Но, как только свою
Он заканчивал речь,
Тут же он забывал
И втянуть и вовлечь.

Потому что комсорг, говоря
напрямик,
Не увидел Петрова живого.
Потому что комсорг видел только
ярлык,
Тот, что сам налепил на Петрова.
У комсорга у этого
Нрав был крутой.
И подход его к людям
Был очень простой:
Вот, допустим, пришёл
в коллектив новичок.
Новичок?
Налепляй на него ярлычок.

Есть на нём ярлычок — ты
спокоен.
Поглядел, сразу знаешь, какой он.
Вот и всё.
Результат поразительный,
В миг готов приговор
окончательный.
На одном ярлычке:
«ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ»,
На другом ярлычке:
«ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ».

Значит, с тем нужно мягко,
А с этим — сурово.
Этот первого сорта,
А этот второго.
У людей нет ни глаз,
ни причёсок, ни губ,
Ни каких-то сердец, ни имён —
Ярлыки!
На одном, скажем, коротко:
«ГЛУП»,
На другом, скажем, чётко:
«УМЕН».

Замечательный способ — и прост
и хорош:
Всех насквозь видно сразу, кого
ни возьмёшь!..

Для Петрова, заметим заранее,
Мы не склонны искать
оправдания.

К своему положенью
Он быстро привык
И безропотно нёс
Злополучный ярлык.

Но ведь не о Петрове
Здесь речь мы ведём.
Речь идёт о комсорге,
И только о нём.

Мы могли бы назвать его словом
одним:
Бюрократом.
Иль, скажем, чинушей сухим,
Чтобы сразу все видели, кто он
таков,
Но... давайте, товарищи, без
ярлыков!

Рисунок Г. Валька.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ПРИРОДЫ

1. ВОЛЧИЙ ДЕЛИКАТЕС

Шелковские пески и бугристы и жгучи. Местами здесь растут тополь и лоза. Земля покрыта катун-травой.

Помню, в июльскую ночь я охранял бахчу на этих песках. Лето было дождливое, и арбузы уродились на славу. Уже перед самой зарёй завыл волк. Заряда для ружья у меня не было, и мне оставалось только наблюдать. Волчиха долго ждать себя не заставила. Она пришла прямо на бахчу. Остановилась у одного арбуза, сбила его с плети ударом передней лапы и покатила, толкая вперёд носом. Возвращалась она несколько раз и снова укатывала арбуз за арбузом.

Днём я пошёл по накатанному следу. Шёл с полкилометра, пока не наткнулся на арбузные половинки. И до чего же красными были остатки их мякоти! А я-то, старый бахчевод, всё думал, что арбузы ещё не поспели!..

2. ПРИЁМЫШ

Это было в январе. День был солнечный, с морозцем. Под навесом сарая играли воробьи. «Шумят-то как,— подумалось мне,— будто весна на дворе!» И я оглядел их компанию.

— Ба, да что тут такое? Не скворец ли среди них? — невольно воскликнул я, увидев чёрную красивую птицу с сизым отливом на груди.

— Он самый,— послышался знакомый голос колхозного конюха, шедшего мне навстречу.— Все его друзья и родные давно уже за морем, а он, бедняжка, отстал: видно, хворь помешала. Не знаю, выдюжит ли морозы?..

...В апреле поляны Терского леса сказочно красивы. Здесь я вновь встретил своего приятеля — конюха. Он пас табун лошадей. Разговорились, я вспомнил зимнего скворца.

— Скажи, Силантий, скворец тот не замёрз?

— Перезимовал! — последовал ответ. — Поди, уже в семье его скоро птенцы появятся. Видать, тут со своей прежней подружкой встретился.

Силантий рассказал, что воробьи приняли скворца в свою стаю и поныне, как только обнаружат личинку, или мокрицу из сырости извлекут, либо жучка какого на лету схватят, сами долго не склёвывают, а приёмыша своего кличут: «Чив, чив, иди, мол, скушай». А он, сидя на ветке, над своим высоким новеньким теремком, будто и не замечает приглашения: знай, поёт себе, щёлкая и посвистывая.

«Чив, чив!» — снова кличут его воробушки. Но, знать, в опекунстве он больше не нуждается: зима-то позади.

Рис. Д. Пивоварова.

А. УХИН

КРОССВОРД

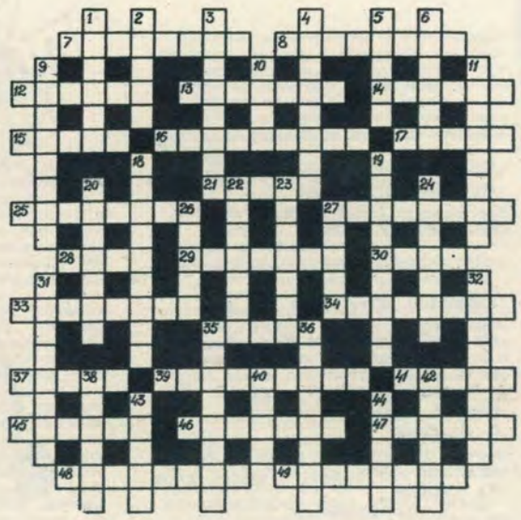
Составила А. Быкова (Москва)

По горизонтали:

7. Народная артистка СССР. 8. Произведение устной народной поэзии. 12. Точная выдержка из текста. 13. Старинный способ морского боя. 14. Русский поэт. 15. Фруктовое дерево. 16. Русский художник-баталист. 17. Линейка с делениями в измерительных приборах. 21. Наклонная поверхность. 25. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 27. Устное народное творчество. 28. Колесо, дающее движение приводному ремню. 29. Ягода. 30. Планета. 33. Адвокат. 34. Полное соответствие. 35. Представитель народа тюркской языковой группы. 37. Начало реки. 39. Курорт в Крыму. 41. Приспособление для выверки вертикального положения. 45. Непаханая земля. 46. Советский живописец, искусствовед. 47. Минеральная лечебная вода. 48. Помещение для публичных лекций. 49. Музыкальное произведение для оркестра.

По вертикали:

1. Герой гражданской войны. 2. Озеро в Армянской ССР. 3. Колючий кустарник с кислыми ягодами. 4. Областной центр Узбекской ССР. 5. Небольшой морской залив. 6. Столица автономной республики. 9. Газ. 10. Название некоторых жуков. 11. Локомотив с двигателем внутреннего сгорания. 18. Склонность. 19. Балет П. И. Чайковского. 20. Марка советского автомобиля. 22. Возвышение для оратора, лектора. 23. Отечество. 24. Воображаемый круг, делящий земной шар на два полушария. 26. Литературное произведение. 27. Плата за перевозку груза по водным путям. 31. Лётчик, Герой Советского Союза. 32. Профессия. 35. Известный польский астроном. 36. Рассказ А. П. Чехова. 38. Лицо командного состава армии и флота. 40. Река в Италии. 42. Слово, точно обозначающее определённое понятие. 43. Сани. 44. Отрицательно заряженный ион.



СМЕНА В номере:

А. Набатчиков — Наше боевое оружие.
Вас. Фёдоров — Рядовой великой партии.
Николай Асеев — Подъезжая к Москве. Стихи.
Ольга Кретова — Солнечный дождь. Рассказ.
В. Бахнов и Я. Костюковский — Грустное явление. Стихи.
Игорь Кобзев — В общежитии. Стихи.
Вл. Шустиков — Владлен Мячев.
Николай Рыленков — Стихи.
Путь к творчеству. Фотоочерк.
Язык великого народа. Письма из-за рубежа.
Рядом шагает Новый Китай. Фотоочерк.
А. Евсеев — Талант.
Ирэна Полл — Это — Джим. Рассказ.
Се Ман Ир — Мост. Стихи.
Т. Каптерева — Франсиско Гойя.
Акробаты. Фотоочерк.
Вл. Корнилов — Друзья и враги Ирана.
Из почты «Смены». Помощь товарищей.
Вл. Масс и Мих. Червинский — Плохая репутация.

На первой странице обложки: Весна на Днепре. Фото Н. Козловского.

На четвёртой странице обложки: Москва. Библиотека имени В. И. Ленина. Акварель К. Купецио.

Оформление номера В. Урина.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Редколлегия: В. Ажаев, Г. Гулиа, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Кожухова, М. Луконин, А. Никонов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-34-24. А 02213. Подписано к печати 13/IV 1953 г. Заказ № 813.

Тираж 120 000 экз. Изд. № 319. Формат бумаги 70 × 108⅛. 1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

На дорогах Индии.

П. Пинкисевич.
Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

В Нью-Йорке.

Цена номера 2 руб.

19 45 Гозрисовд